ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 10 (4135) | Суббота, 23 января 1960 г. | ЦЕНА 40 КОП.

ГОД, ТОЛЬКО ГОД...

Владимир ПОПОВ

Дневник писателя

ОТЛИЧНАЯ вещь — цифра! И зря некоторые докладчики и авторы статей, говоря о тех или иных статистических выкладках, считают необходимым тут же оговориться, что, мол, «не будем утомлять вас скучным перечнем сухих цифр» или «скупой язык цифр не в силах передать»... Неверно это! Право же, для нас, мастеров и инженеров своего будущего, цифра очень выразительна и доходчива, она впечатляет своей чеканной точностью. Пожалуй, ее, цифру, можно сравнить с металлическим слитком — весомым и зримым итогом сложнейших процессов, предшествовавших его появлению. Вот он, чудесный слиток, перед вами, и пышет от него жаром горячего человеческого труда, жаром домен и мартенов, жаром нашей чудесной творческой жизни.

С этим ощущением всматриваемся, вчитываемся мы и сейчас в каждую цифру только что опубликованных итогов выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1959 году. Год... Только первый год семилетки! А как стремительно с самого начала семилетки развертывается наше наступление в будущее.

Темпы роста оказались намного более высокими, чем это предвиделось: сверх годового плана выпущено промышленной продукции почти на 50 миллиардов рублей. Ну как не полюбоваться этой цифрой и не повторить ее вновь — почти на 50 миллиардов! Это так выразительно, что, пожалуй, мастера художественного слова могут позавидовать нашим статистикам. Действительно, такое слово — золото. И цифра эта поистине сверкает, как золотой слиток, и пылает жаром горячих человеческих сердец.

Контрольные цифры плана были утверждены XXI съездом КПСС 5 февраля 1959 года. Со дня этой исторической даты не прошло еще и года. Срок небольшой, а по своему значению для каждого из нас — это целая эпоха. В масштабах семилетки для каждого нашлись дела невиданно большого размаха. Трудно, пожалуй, объяснить, как это получается, но любой человек, хотя, казалось бы, и делает он сейчас то же дело, что и год назад, — присматривается к самому себе и к другим с иных позиций, чем раньше. С позиций семилетки, с позиций гражданина великой страны, вступившей в период развернутого строительства коммунизма.

В Сообщении ЦСУ сказано: **«Объем промышленного производства возрос по сравнению с 1958 годом более чем на 11 процентов, в том числе группа «А», по предварительным данным, на 12 процентов, группа «Б» — на 10,3 процента».**

Группа «А» — основа основ нашей промышленности, и вот о людях, работающих в этой группе, — людях тяжелой индустрии — мне и хотелось бы сказать сегодня несколько слов. Вернее, хотелось бы поговорить о тех, кто мне особенно близок, — о металлургах, хотя, разумеется, речь будет идти не о профессиональных особенностях этих людей, а об общем облике советского рабочего наших дней.

Летом прошлого года я побывал с выездной редакцией «Литературной газеты» в Кузнецке на Металлургическом комбинате, встретился со старыми друзьями. Эти встречи всегда ошеломляют. Еще до войны я работал в Донбассе в одном цехе с мастером Михаилом Приваловым. Бывший ученик ФЗО, он и тогда славился как лучший мастер. «Снайпером по попаданию в анализ» звали мы его. Сейчас Привалов — заместитель начальника мартеновского цеха, кавалер многих орденов, лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического Труда и депутат Верховного Совета СССР, но черты его характера неизменны, он постоянно учит других и не стесняется сам учиться.

Осенью мы встретились с Приваловым в Запорожье. Я решил, что он, как обычно, приехал поделиться методами своей работы. Но оказалось совсем иное. Он узнал, что запорожстальцы выпускают по пять плавок на одной печи, и приехал посмотреть, как это делается.

Интересной была встреча Привалова с бригадой коммунистического труда сталевара Ивана Каёлы.

Каёла рассказывал Привалову, как они этого добились. Каждый сталевар и раньше вел какую-то операцию в совершенстве. Были тут «короли плавления», «короли доводки». Но теперь решили, что каждый должен овладеть всеми операциями в совершенстве. Так и сделали. А отсюда и успех.

— И знаете, что я еще заметил, — рассказывал Каёла Привалову. — Если человек только о своей работе думает, только о своей бригаде, то ему самому худо. Отбросили мы всякое самолюбие в сторону и начали учиться друг у друга. То, что я знал, — отдал другим, все, что знали другие, — отдали мне.

Так же поступил и Привалов, приехавший для этого из Кузнецка в Запорожье.

Было бы наивно представлять себе дело так, что все в описанном эпизоде ново. Нет, конечно! Взаимопомощь, взаимная заинтересованность в общем деле, желание сделать для народа сегодня больше, чем вчера, давно уже свойственны советским людям. Эти замечательные качества проявил советский рабочий еще в дни первых коммунистических субботников и взращивал, совершенствовал их в годы пятилеток. Процесс этот продолжается и сейчас, но человек как бы вышел на новые просторы и вершит дела в новых масштабах, проявляя во всем государственную мудрость.

А отсюда и темпы роста, о которых говорится в Сообщении ЦСУ.

За год производительность труда возросла в промышленности на 7,4 процента (а ведь в ряде отраслей промышленности рабочий день сокращен!) и в строительстве — на 9 процентов. Выросла производительность труда и в сельском хозяйстве. Несмотря на неблагоприятные климатические условия — в ряде районов страны была засуха, — валовой сбор зерна в 1959 году превысил среднегодовой сбор за последнее пятилетие на 700 миллионов пудов; численность крупного рогатого скота за год увеличилась на 18 процентов, свиней — на 17, овец — на 6, а птицы на 26 процентов. И еще одна отрадная весть — по производству животного масла на душу населения СССР в минувшем году превзошел Соединенные Штаты Америки. Вот они, реальные результаты повышения производительности труда не только в городе, но и в деревне.

Производительность труда, как говорил Ленин, в последнем счете самое важное, самое главное. Она влечет за собой повышение материального благосостояния и культурного уровня народа. И вот перед нами цифра, определяющая рост нашего благосостояния: за год национальный доход увеличился примерно на 100 миллиардов рублей. Цифра, как говорится, весомая, звонкая и запоминающаяся. Вдумаешься в нее и в другие цифры, опубликованные в том же разделе о повышении народного благосостояния, и видишь новые школы, клубы, театры, больницы, жилые дома, выстроенные в этом году, видишь прилавки магазинов, на которых все больше и больше становится товаров, видишь миллионы экземпляров книг для народа...

Год. Только первый год семилетки! И только цифры об итогах этого года. Но за ними мы ощущаем могучее дыхание нашей созидательной эпохи. Видим, как воплощаются в жизнь великие идеи и указания Коммунистической партии. Видим богатырские очертания крепнущего изо дня в день нашего государства — оплота мира во всем мире, государства, уверенного в своем будущем и во имя мира значительно сократившего свои вооруженные силы. Видим лицо главного героя нашей эпохи — лицо неутомимого, умелого и вдохновенного советского труженика.

Советские государственные деятели в Индии. На снимке: К. Е. Ворошилов и президент Индии Р. Прасад. Фото П. Кречнева

Сделано в СССР

СООБЩЕНИЕ ТАСС

Как уже сообщалось, в Советском Союзе ведутся работы по созданию более мощной баллистической многоступенчатой ракеты для запусков тяжелых спутников Земли и осуществления космических полетов к планетам солнечной системы.

Вечером 20 января с. г. был произведен запуск такой ракеты.

Предпоследняя ступень этой ракеты вместе с макетом последней ступени, двигаясь точно по расчетной траектории, развив скорость более 26 тысяч километров в час, 20 января в 20 часов 5 минут московского времени достигла в акватории Тихого океана заданного района, удаленного от точки старта на расстояние около 12,5 тысячи километров по земной поверхности.

Предпоследняя ступень ракеты, выполнив свое назначение, войдя в плотные слои атмосферы на высоте 80—90 километров, при дальнейшем движении разрушилась и частично сгорела.

Макет последней ступени ракеты, приспособленный для прохождения через плотные слои атмосферы, достиг водной поверхности вблизи расчетной точки падения.

Специальные суда советского флота, находившиеся в районе ожидаемого падения ракеты, произвели ценные телеметрические измерения на нисходящей ветви траектории полета.

Макет последней ступени ракеты наблюдался при полете в атмосфере и был засечен при падении в воду радиолокационными, оптическими и акустическими станциями, установленными на судах.

По данным проведенных измерений установлено, что отклонения точки падения ракеты от расчетной составили менее двух километров, что подтвердило высокую точность системы управления ракетой.

Старт ракеты произведен в точно назначенное время. Полет ракеты в целом и действие всех ее ступеней проходили в соответствии с намеченной программой.

Измерительные системы и средства, установленные на борту ракеты, обеспечили на протяжении всей трассы полета передачу необходимых данных наземным и корабельным станциям.

В ходе полета ракеты проверена также работа некоторых научных приборов и произведены необходимые измерения.

С целью дальнейшего накопления экспериментальных данных испытания мощных баллистических многоступенчатых ракет будут продолжены. Падение ракет будет происходить в границах зоны, объявленной в сообщении ТАСС от 8 января с. г.

Успешный запуск мощной советской баллистической многоступенчатой ракеты обеспечивает дальнейшее продвижение советской науки по пути освоения космического пространства и изучения планет солнечной системы.

Перед новыми полетами в космос

СООБЩЕНИЕ об испытаниях советской баллистической ракеты-гиганта, предназначенной для запусков тяжелых спутников Земли и космических полетов к планетам солнечной системы, привлекает сегодня внимание всего человечества. Дальнейшие шаги в освоении космоса связаны с целым комплексом сложных вопросов, в том числе с проблемой космической радиосвязи. Корреспондент «Литературной газеты» попросил одного из видных советских радиоспециалистов профессора А. М. Кугушева высказать свое мнение о замечательном запуске мощной советской баллистической ракеты, о перспективах и возможностях в этой области.

Вопрос. Что вы могли бы сказать о запуске мощной баллистической ракеты 20 января?

Ответ. Вызывает восхищение прежде всего исключительная точность попадания и, следовательно, превосходные качества системы управления ракетой. Как известно из сообщения ТАСС, старт и полет ракеты, действие всех ее ступеней происходили строго в соответствии с намеченной программой. Ракета упала в пустынной части Тихого океана, почти в трех тысячах миль от южной оконечности Камчатки и более чем в тысяче миль от регулярных морских и воздушных трасс и зон, обычно посещаемых рыболовецкими судами. Отклонения точки падения от расчетной составили менее двух километров. Отлично действовали измерительная система и средства на борту ракеты, передававшие необходимые данные наземным и корабельным станциям, которые наблюдали за полетом.

Можно не сомневаться, что в ходе этого и последующих экспериментов с мощными баллистическими ракетами будут получены ценнейшие научные сведения, имеющие огромное значение для подготовки новых смелых прорывов в космос, для изучения наших ближайших соседей в солнечной системе — Марса и Венеры.

Вопрос. Какой должна быть радиоаппаратура для радиосвязи в космосе?

Ответ. Радиоаппаратура, устанавливаемая на космических кораблях, прежде всего должна иметь возможно меньшие габариты и вес. Поскольку длительность космических полетов будет в дальнейшем возрастать, очень важна долговременность и надежность действия. Приходится думать и о проблеме электропитания радиоустройств.

Облегченной бортовой аппаратуры радиотехники добиваются за счет создания высокочувствительной и мощной приемно-передающей аппаратуры на Земле. Установить на Земле сложные радиоаппараты и громадные антенны, разумеется, возможно.

Вопрос. Возможна ли передача на Землю движущихся изображений или, скажем, двусторонний радиотелефонный разговор с Луной?

Ответ. Для современной радиотехники и передача движущегося, собственно телевизионного изображения с Луны не представляет непреодолимых принципиальных трудностей. Осуществление таких передач в более или менее близком будущем вполне реально. Можно предвидеть, что к моменту, когда первые земные астронавты высадятся на Луне, будут вполне осуществимы и радиотелефонные переговоры Земля — Луна.

Вопрос. В связи с перспективами запуска космических кораблей к планетам солнечной системы было бы интересно узнать, каковы возможности радиосвязи в околосолнечном пространстве?

Ответ. Если маршрут Земля — Луна измеряется сотнями тысяч километров, то расстояния Земля — Марс или Земля — Венера — это уже многие десятки и сотни миллионов километров. Известно, что энергия радиоволн, бегущих через мировое пространство, постепенно ослабляется. Несложный расчет показывает — для радиосвязи и радиотелеуправления ракетой, путешествующей в пределах солнечной системы, на Земле потребуются сверхмощные радиопередатчики порядка тысяч киловатт с громадными антеннами размером в десятки тысяч квадратных метров и совершенные наземные приемники с очень высокой чувствительностью, в миллионы раз превышающей, например, чувствительность современных телевизоров. Несмотря на почти фантастический — для непосвященных — характер подобных задач, современное развитие радиоэлектроники делает создание таких радиотехнических систем вполне практически осуществимым.

Вопрос. Можно ли установить радиосвязь с районами хотя бы ближайших звезд?

Ответ. Как известно, расстояния до звезд столь велики, что астрономы, чтобы измерять их, пользуются даже специальной единицей — парсеком. Измерять эти расстояния обычной астрономической единицей — средним расстоянием от Земли до Солнца — было бы столь же хлопотливо, как если бы мы стали измерять географические расстояния в миллиметрах.

Перспективы установления радиосвязи с целью обмена информацией между людьми на таких невообразимо громадных расстояниях при современном уровне знаний еще совершенно неясны. Иногда говорят о возможности приема на Земле радиосигналов, которые посылаются мыслящими существами планетных систем далеких звезд. Однако трудно надеяться, что даже если такие искусственные сигналы подаются, они могут быть выделены земными радиоастрономами из хаоса радиоизлучений космоса.

Впрочем, эти размышления не должны лишать нас оптимизма. В начале нынешнего столетия новорожденная радиотехника гордилась радиосвязью, установленной на десятки и сотни километров. А сегодня мы уже установили двустороннюю радиосвязь с окололунным и говорим о радиосвязи в пределах околосолнечного пространства.

Здесь! Фото Г. Копосова

Фантасты, торопитесь!

ТЕРЯЯ последние силы, добирается до Северного полюса отважный капитан Гаттерас и видит огромную огнедышащую гору, венчающую земной шар. Не менее отважный капитан Немо на своем «Наутилусе» достигает Южного полюса и обнаруживает там открытое море...

Знаменитый писатель ошибся. В действительности все оказалось наоборот. Море — на северной точке Земли, суша (если ледники Антарктиды можно назвать сушей) — на южной. Но никто не упрекнет Жюля Верна в этой ошибке. Ведь прошло чуть ли не полвека после создания его книг, прежде чем Пири ступил на Северный полюс, а Амундсен и Скотт — на противоположную точку земли. Догадку, фантазию сменило точное знание.

Несколько дней назад в одном журнале был опубликован фантастический рассказ о диковинных чудовищах, населяющих лунные пещеры. Что ж, пока еще можно фантазировать относительно внутренностей лунных пещер. Кто поручится, что в них не будет найдено ничего неожиданного? Ну, если не живые существа, так хотя бы скелеты или другие останки тварей, населявших Луну, когда у нее еще была атмосфера. Исследователей космоса неожиданности ждут на каждом шагу. Разве не неожиданным было открытие вокруг Земли поясов радиации, о которых ученые даже и не подозревали?

Впрочем, едва ли здесь годится слово «неожиданность». Ведь они ожидаются, эти «неожиданности», ведь ради них и стартуют в мировое пространство советские спутники и ракеты. И каждый их полет приносит человечеству бесценные сведения. Невозможно предугадать, что именно будет открыто при каждом новом шаге человека в космосе, но мы хорошо знаем, что обязательно будет открыто нечто такое, что не грезилось и самому пылкому воображению.

Скоро мы будем знать, какие тайны скрывают в вечной тьме лунные пещеры. Ведь знаем же мы теперь вид обратной стороны Луны. Пожалуй, массы людей представляют себе облик невидимой стороны Луны лучше, чем видимой. Многие ли знакомы с лунными картами? Даже если когда-то в школе и видели их, то давно забыли; а снимки, переданные из космоса, с жадностью разглядывали все, кто в состоянии держать в руках газетный лист.

Если начало минувшего года прошло под знаком первого лунника, то в начале 1960 года новые, еще более грандиозные планы покорения космоса волнуют советских людей. В опубликованном 8 января сообщении ТАСС есть фраза, которая кажется невероятно фантастической даже сейчас, даже после всего достигнутого.

«...Советскими учеными и конструкторами ведутся работы по созданию более мощной ракеты для запусков тяжелых спутников Земли и осуществления космических полетов к планетам солнечной системы». Сказано кратко и деловито... **«Тяжелые спутники...»** Это означает, что наши ученые считают уже запущенные спутники легкими. А ведь именно их вес потрясал и потрясает весь мир. Какие же грандиозные, гигантские лаборатории, вечно вращающиеся над Землей, будут теперь поднятыя в космос! **«Полеты к планетам солнечной системы...»** Стоит вдуматься в эти слова, как начинает казаться, что наши фантасты — это — увы! — самые что ни на есть осторожные и робкие в своих предсказаниях люди. Кто вспомнит хоть один роман, в котором полет на другие планеты совершается раньше, чем через полвека? А вот позавчерашнее сообщение ТАСС, подтверждая конкретным примером предыдущее, ясно говорит о том, что такие ракеты уже созданы. Они еще испытываются на Земле, — это естественно, это необходимо. Но мы знаем, что советские ученые и инженеры не любят хвастать. Они больше делают, чем говорят, но уж если говорят, то можно быть уверенным, что так оно и будет. Крошечный квадратик начертили они на карте, но кто сомневался в том, что наша ракета полетит только туда и никуда больше. Так оно и случилось. Ракета упала в океан менее чем в двух километрах от расчетной точки. Этот факт не нуждается ни в каких комментариях, он говорит за себя сам. Мы знаем, что с той же высокой точностью ляжет на курс первый советский межпланетный корабль. (Думаю, что уже вполне можно вводить в обиход такую терминологию).

Марс и Венера — наши космические соседи. Именно они до сих пор привлекали главное внимание писателей-фантастов. Наверно, нельзя и сосчитать, сколько произведений написано об этих двух планетах. Написано, пишется и, наверное, будет написано. Но торопитесь, товарищи, торопитесь! Тот, кто еще вынашивает замыслы написать новые книги о Марсе или о Венере, может и опоздать. Творческий процесс, как известно, — дело не быстрое, и в одно прекрасное утро вы можете обнаружить в газете сообщение ТАСС о полете новой ракеты, которая сфотографирует с близкого расстояния марсианские каналы и нырнет под облачную пелену голубой красавицы. Торопитесь, ведь близко время, когда на смену вам в ближайших окрестностях Земли, радиусом в сто — двести миллионов километров, придут репортеры, кинооператоры.

Придется вам расселять ваших персонажей в других местах. Только на Уране или Сатурне больно уж неуютно. Надо будет срочно выяснять, у каких недалеких от Солнца звезд есть планеты. Этого вам хватит на некоторое время. Но кто знает, может быть, не так уж далек и тот день, когда после очередного газетного сообщения придется вам переселяться с ближайших звезд на более отдаленные. И этот стремительный путь к звездам будет проложен тем скорее, чем скорее растают последние льдины «холодной войны», и лишь из учебников истории люди будут узнавать о войнах горячих.

Мы никогда не забываем о том, какой тяжелый труд стоит за скупыми газетными строчками. Сколько поисков, бессонных ночей, тяжелой работы, огромной любви к своему народу, ко всему человечеству. Наверное, были неудачи, но и сами неудачи давали новые крупицы знаний, которые и привели к нынешним блестящим результатам. Могут ли быть неудачи и впереди? Конечно. Разве можно гарантировать, что на пути в миллионы километров ракета не повстречается с какимнибудь реакционно настроенным метеоритом? Но надолго ли это задержит победное шествие советской науки?

Скажите по совести, мог ли кто-либо из нас несколько лет назад уверенно утверждать: «Да, мне посчастливится дожить до величайшего чуда, до полета к другим мирам». А кто сомневается в этом сейчас? Конечно, так будет!

Всеволод РЕВИЧ

Критика и современность

ИСТЕКШИЙ год в литературе был весьма оживленным. Давайте внимательно посмотрим, насколько эффективно помогала литературе наша критика в минувшем году, насколько активно и целеустремленно боролась за главное направление, за главную линию развития литературы, намеченную в известном партийном документе «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Давайте посмотрим, насколько внимательна критика к писателю, работающему в современной теме. Вдумчиво ли она исследует причины его удач и неудач в этом сложном деле, в какой мере сама критика является живым познанием современности?

Этими словами из вступительной речи Г. Маркова можно, пожалуй, начать отчет о двухдневном расширенном заседании секретариата правления Союза писателей СССР с активом, посвященном рассмотрению состояния литературной критики в писательских печатных органах. Выступление Г. Маркова направило внимание собравшихся ко всему фронту критической работы.

Но прежде одно частное, но немаловажное замечание — оно было сделано Н. Грибачевым.

— Здесь, на этом совещании, почти совсем не употребляется терминология, очень привычная нам по предыдущим годам: отстает критика, не отстает критика... Как только собирались писатели, они единодушно утверждали, что критика отстает. Когда собирались критики, они доказывали, ссылаясь на огромное количество статей и книг, что если и отстает, то не в такой мере, как это кажется писателям. А вообще-то спор этот был чисто схоластический.

В самом деле, первое, после третьего съезда писателей, всесоюзное — в работе секретариата приняли активное участие критики и писатели из братских республик — обсуждение литературных вопросов было деловым, заинтересованным, доброжелательным и свободным от бесплодного противопоставления: писатели — критики. Мы, однако, погрешили бы против истины, сказав, что вовсе не было жалоб на то, что критика, особенно на местах, все еще не пользуется должным вниманием и уважением со стороны писательских организаций, что писатели не высказывали своих претензий к «критическому цеху» литературы. Но все это занимало десятистепенное место и не носило характера былых «междоусобиц». В центре внимания совещания оказались проблемы — критика и литература, критика и читатели, критика и задачи коммунистического воспитания.

ОБСУЖДЕНИЕ началось после того, как собравшиеся заслушали сообщения о работе отделов критики: М. Кузнецова («Литературная газета»), В. Полторацкого («Литература и жизнь»), А. Хижняка (украинская «Літературна газета»), А. Дементьева (журнал «Новый мир»), П. Жура (журнал «Звезда»), И. Берсона (журнал «Карогс»). К сожалению, большинство этих информаций носило характер сухого отчета, или, как выразился Ем. Буков, «полутворческой статистики», и прения впоследствии показали, что особой нужды в них не было. Гораздо более содержательными оказались выступления «официальных оппонентов» — тех литераторов, которые специально анализировали работу критических отделов перечисленных выше газет и журналов. Предоставляем же им слово, оговорившись, что некоторые из выдвинутых ими положений затем оспаривались или поддерживались в речах последующих ораторов, но в кратком газетном отчете нет возможности обо всем этом рассказать.

В. Дорофеев, говоря о «Литературной газете», отметил, что ясно видит исходные позиции газеты, ее правильные декларации, сформулированные в передовых статьях, понимает ее стремления, но не может представить на основании публикуемых на ее страницах материалов движение литературы. Создается впечатление, что отдел критики «Литературной газеты» обходит сложные и острые вопросы литературного развития. В газете выступают литераторы с самыми разнообразными точками зрения, а редакция далеко не всегда высказывает ясное отношение к тому, что они говорят. Очень часто критика в «Литературной газете» замкнута в узком кругу литературных интересов.

Привлекая внимание к тому или иному эстетическому вопросу, «Литературная газета» не всегда улавливает, что за этим вопросом, в конечном счете, стоят и проблемы идеологические.

«Литературная газета», заканчивает свою речь В. Дорофеев, много сделала для сплочения писательских сил. Пора ей переходить в новое качество, укрепляя консолидацию борьбой за всемерное повышение идейно-эстетических критериев литературы. Надо добиться того, чтобы в ее работе были не только опорные пункты — в виде крупных выступлений, какими были статьи М. Исаковского, А. Твардовского, М. Гусейна, Б. Кербабаева, Е. Суркова и ряд других, — но и последовательная боевая линия.

С. Гайсарьян посвятил свою речь газете «Литература и жизнь». У газеты есть, сказал он, умение чувствовать, порой даже остро, где именно начинаются идейные слабости и прорехи. Однако — вот беда! — хорошие импульсы, не подкрепленные достаточными знаниями, широтой взгляда, часто реализуются в статьях таким образом, что объективный читатель не соглашается с газетой, она его не только не убеждает, но нередко просто отталкивает. Оратор останавливается на статье В. Бушина о критическом отделе «Нового мира». Говоря о развязном тоне этой статьи, направленной против молодых критиков, он замечает: «Право же, все это на уровне стенной газеты... Я думаю, что некоторые из этих молодых критиков допустили ошибки. Но надо

(Окончание на 3-й стр.)

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении поэта Исаковского М. В. орденом Ленина

За выдающиеся заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить поэта **Исаковского** Михаила Васильевича орденом **Ленина**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 21 января 1960 г.

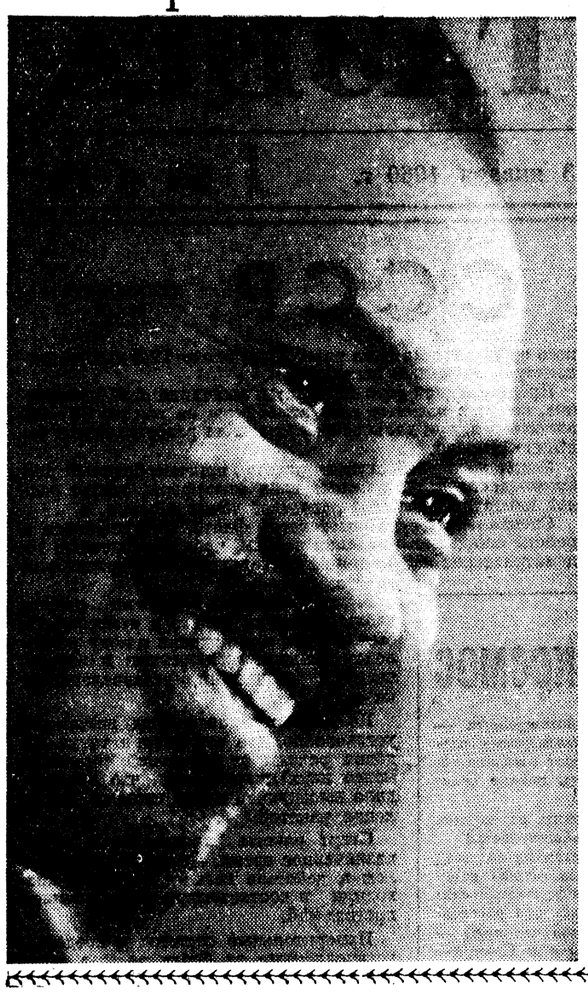
В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

- ☆ Итоги первого года семилетки. Этому посвящен дневник писателя **В. Попова.**
- ☆ На пути в космос.
- ☆ Ракета откроет тайны Солнца, — говорит директор Крымской обсерватории **А. Северный.**
- ☆ Отрывок из новой повести **Николая Атарова** «Коротко лето в горах».
- ☆ Что обсуждалось на заседании секретариата Союза писателей СССР?
- ☆ Очерк **А. Штейна** о посещении Индонезии
- ☆ Новый стенд нашего «Литературного музея».
- ☆ В субботней почте: Свидетели разоблачают преступления боннского министра. Переписка **С. Маршака** с **Г. Либнером**, шахтером из ФРГ.

СТАРЕЙШИЙ ЛИТОВСКИЙ ПОЭТ

Исполнилось восемьдесят лет поэту Ионасу Крикщюнасу-Иоварасу. За особые заслуги в развитии литовской народной поэзии и за долголетнюю творческую работу Президиум Верховного Совета Литовской ССР присвоил ему звание народного поэта Литовской ССР.

«Люди стали мудрее»,— говорит Поль Робсон



— В мире долго свирепствовала «холодная война», — заявил в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» Поль Робсон. — Проявления ее остались и сегодня. Но все эти долгие годы не утихала борьба народов за мир, как не исчезало само стремление людей к жизни без войн, без кровопролитий. И пять, и десять, и пятнадцать лет тому назад люди страстно желали того же, чего они желают и сегодня,—мира.

Это можно проиллюстрировать хотя бы таким примером. Буржуазные политические деятели, выдвигая свои кандидатуры на выборах, неизменно, из года в год, пользуются одним и тем же приемом: они уверяют избирателей, будто всей душой стоят на платформе укрепления мира, борьбы с угрозой войны. Правда, зачастую они не выполняют своих обещаний. Так, Трумэн в 1948 году обещал американцам мир, но предал тех, кто поверил ему и голосовал за него. При нем была развязана война в Корее.

Но в последние годы мировое общественное мнение стало более мудрым и прозорливым. Я впервые ощутил это, когда над Гарлемом * пролетел советский спутник. Помню, мне нужно было пройти два квартала до парикмахерской. Иду, и — что за чудо? — люди, которые боялись заговорить с «красным Робсоном», вдруг приветствуют меня необычайно тепло. А когда пришел в парикмахерскую, то решил, что попал на Восток: мне кланялись, нагибались вот так, чуть не до пола. «Вы были правы», — говорили мне мои собеседники.

Конечно, и до этого многие понимали лживость пропаганды об агрессивности Советского Союза, но спутники ознаменовали начало массового прозрения. Особенно усилился этот процесс в связи с визитом Н. С. Хрущева в США. Решение Советского Союза о значительном сокращении своей армии вновь убеждает народы, что в основе советской политики лежит великий гуманизм.

А раз люди стали более мудрыми — значит, они стали более сильными. И прежде прогрессивные силы Америки, поддержанные прогрессивными людьми всего мира, разных рас и национальностей, не позволяли сумасбродам пойти на ряд авантюр. Известно, например, что генерал Макартур во время войны в Корее хотел напасть на Китай, атаковать его атомными бомбами. Но даже Трумэн, боясь общественного мнения, не решился на это. Сейчас нам стало известно из воспоминаний Идена, публикуемых лондонской газетой «Таймс», что Даллес намеревался ввязаться в войну во Вьетнаме. И этого не допустил американский народ. Теперь общественное мнение стало огромной силой; небывалый авторитет в Соединенных Штатах завоевали движение сторонников мира, борьба за ядерное разоружение.

Конечно, в ослаблении военной угрозы сыграли роль и другие факторы. Те, кому бы хотелось начать войну, сейчас в невеселом раздумье смотрят на карту: Советский Союз — двести миллионов... Китай — это же шестьсот миллионов! А как велика экономическая, техническая мощь страны социализма! Нет, без мирного сосуществования не обойдешься...

Правда, Запад прикрывает свое отступление высокопарными фразами о том, что, дескать, начинается борьба «за умы и души» людей.

Как выглядит эта борьба «за умы и души», очень хорошо показали события последних дней. Только что по всему земному шару прокатилась омерзительная волна нацистских и расистских вылазок. Да, это предупреждение нельзя недооценивать. Будем смотреть правде в лицо: остатки фашизма имеются не только в Западной Германии, но и в других странах. И все же корни «неонацизма» надо искать в Западной Германии. Они сохранились после второй мировой войны потому, что западные державы поддерживают Аденауэра. Зачем? Затем, что основа политики НАТО — восстановление милитаристской Германии. Поэтому фашистские последыши и ведут себя так нагло. На повестку дня поставлен вопрос—быть или не быть миру. Люди во всех странах понимают это. На моих глазах проходила пятидесятитысячная демонстрация лондонцев, протестовавших против фашистских провокаций.

Но нельзя забывать, что борьба за мир должна идти во всех областях, в том числе и в музыке. Ведь музыка как нельзя лучше может способствовать сплочению миролюбивых народов. В частности, я сейчас работаю над вопросом о взаимосвязи современной западной музыки с народным музыкальным творчеством. Это не отвлеченная проблема: она подводит к выводу об абсурдности всяческих расовых «теорий», помогает глубже постичь роль народа как единственного творца всех духовных благ. Свои мысли я изложил в небольшой статье. Надеюсь, «Литературная газета» сочтет возможным ее опубликовать.

Пользуюсь случаем горячо приветствовать читателей газеты, пожелать им и всему советскому народу всяческих успехов. Теперь я буду часто приезжать в вашу страну. И потому говорю вам:

До скорого свидания!

* Негритянский район Нью-Йорка.

Фото **М. Трахмана**

Читатели Узбекистана советуют

Как улучшить «Литературную газету»? Сделать ее такой, чтобы она полнее и разностороннее удовлетворяла требованиям широких масс читателей? Эти вопросы горячо обсуждали жители Ташкента и Самарканда на только что прошедших читательских конференциях (конференции проводили член редколлегии «Литературной газеты» В. Солоухин, писатель А. Яшин, сотрудники редакции Я. Островский, А. Якубов, К. Цыпленков). Писатели и ученые, инженеры, студенты и преподаватели в процессе обсуждения высказали критические замечания, внесли ценные предложения.

В последнее время «Литературная газета» стала интереснее — таково мнение большинства ораторов. Однако она все еще редко пишет о буднях братских республик, мало обращается к проблемам национальных литератур (этот упрек звучал почти в каждой речи). Мы ждем, что «Литературная газета» будет глубже и шире освещать развитие национальных литератур, и в частности узбекской, говорили критики О. Шарафутдинов, С. Лиходзиевский и Н. Шукуров. Мы ждем от «Литературной газеты» ярких материалов о подвигах узбекских хлопкоробов и ученых, о замечательных успехах рабочих и механизаторов, заявили студент Х. Турабеков и военнослужащий П. Агапов.

Больше внимания уделять сегодняшнему дню зарубежных литератур, не печатать слабые и невыразительные стихи (что иной раз бывает), активнее привлекать в качестве авторов известных писателей — таковы пожелания и требования читателей Л. Кузиной, С. Умарова, С. Благонравова, К. Лаврентьевой и многих других.

Читательские конференции «Литературной газеты» сопровождались традиционными «нашими вторниками». В них участвовали узбекские и гастролировавшие в республике киргизские артисты, а также коллектив художественной самодеятельности Дома культуры Самарканда.

В Ташкенте состоялся вечер поэзии. Его открыл К. Симонов. На вечере выступили В. Солоухин и А. Яшин. Их стихи в переводе на узбекский язык прочитали М. Бабаев, Х. Гулям и другие поэты.

ТАШКЕНТ—САМАРКАНД.
(Наши собкоры).

ОТ ЗЕМЛИ К СОЛНЦУ

А. СЕВЕРНЫЙ,
директор Крымской астрофизической обсерватории, член-корреспондент Академии наук СССР

МЫ ЖИВЕМ В АТМОСФЕРЕ СОЛНЦА!

Около года назад президент Специального комитета по проведению Международного геофизического года профессор С. Чэпмен заявил, что мы, в сущности, живем в атмосфере Солнца. Имеющиеся в распоряжении современной науки данные, в особенности полученные с помощью космических ракет и искусственных спутников Земли, заставляют отнестись к подобным высказываниям с большим вниманием. В самом деле, уже первые результаты исследований С. Н. Вернова (СССР) и Д. Ван Аллена (США) показали, что наша планета окружена облаком (поясом) электронов и протонов, сходным с солнечной короной и, возможно, являющимся ее своеобразным продолжением.

Изучение облака велось путем регистрации рентгеновского излучения, возникающего при ударах заряженных частиц о корпус космической ракеты.

Наличие ореола заряженных частиц вокруг Земли потребует, очевидно, разработки мер защиты при полетах космических кораблей с экипажем.

Причины образования околоземной «короны» пока нам неизвестны. Весьма вероятно, что подобные образования существуют и вокруг других планет. По-видимому, немаловажную, если не основную роль в их образовании играют потоки частиц — корпускул, которые извергаются Солнцем и вызывают полярные сияния и магнитные бури на Земле. Такие потоки и образуют своего рода гигантскую солнечную «атмосферу», в которой плавает наша Земля. При этом земное магнитное поле представляет собой не только своеобразную «ловушку», захватывающую и удерживающую вблизи Земли выброшенные частицы из Солнца, но и довольно мощный ускоритель, способный разгонять эти частицы до сравнительно высоких энергий.

Решить вопрос о природе земной «короны» можно с помощью космической ракеты, запущенной в сторону Солнца. Такая ракета позволит точно установить, какие именно частицы выбрасываются из Солнца. Достижения советской науки в освоении трассы Земля—Луна свидетельствуют о том, что запуск ракеты в сторону Солнца — дело возможное.

РАКЕТЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЛНЦА

В настоящее время благодаря ракетам и спутникам мы вступаем в эру новой, активной астрономии, астрономии экспериментальной. Примером исследований такого рода могут служить недавнее открытие с помощью геофизических ракет рентгеновского излучения Солнца и исследование ультрафиолетового излучения Солнца. Раньше же о существовании этих видов солнечной радиации можно было только догадываться.

Выяснение состава и мощности этих излучений имеет первостепенное значение не только для понимания физических процессов, происходящих на Солнце, но и для практической деятельности человека. Эта радиация, ионизируя молекулы и атомы газов, составляющих верхнюю атмосферу Земли, создает на высотах от 60 до 300—350 километров токопроводящие слои—ионосферу. Ионосфера — своего рода «зеркало», отражающее радиоволны. Без нее была бы невозможна коротковолновая радиосвязь.

Измерения, произведенные с помощью ракет, показывают, что мощность рентгеновского излучения Солнца чрезвычайно велика: на каждый квадратный сантиметр земной атмосферы падает излучение, примерно в тысячу раз более сильное, чем от обычного рентгеновского аппарата, используемого в медицине. Под действием этого излучения, возникающего в солнечной короне, образуются в основном нижние слои ионосферы. Высокочастотное же ультрафиолетовое излучение Солнца, исходящее из так называемой «хромосферы», также играет серьезную, но все же не столь существенную роль в образовании ионосферы, как предполагалось.

Но, пожалуй, наиболее интересно то обстоятельство, что мощность рентгеновского и ультрафиолетового излучений Солнца тесно связана с процессами, протекающими на его поверхности. Особенно ярко подобная связь проявляется во время вспышек на Солнце.

Вспышки — это очень бурный процесс, своего рода взрыв. При вспышках ионизация в ионосфере настолько усиливается, что наступает полное поглощение (непроходимость) радиоволн, и радиосвязь на коротких волнах иногда прекращается на часы и даже сутки...

Чтобы потоку солнечных корпускул, возникших при вспышке, преодолеть огромное расстояние между Землей и Солнцем, требуется около 27 часов. Ворвавшись в земную атмосферу, эти частицы вызывают полярные сияния и сильные магнитные бури — характерные колебания магнитного поля Земли, нарушающие временами работу навигационных приборов. Что же касается ультрафиолетовой радиации, то она достигает Земли значительно быстрее. Уже приблизительно через 5 минут после начала сильной вспышки на Солнце магнитное поле Земли как бы слегка «вздрагивает». Под действием ультрафиолетовой радиации в ионосфере на короткое время возникает ток, изменяющий магнитное поле Земли.

Солнечные вспышки сопровождаются также сильными «шумовыми бурями» или «выбросами» радиоизлучения на волнах от нескольких сантиметров до 10 метров, что приводит иногда к нарушению работы радиолокаторов и потере локационной «видимости». Между прочим, именно таким путем и было открыто излучение радиоволн космическими телами, когда в Англии во время войны сильная вспышка нарушила работу радиолокаторов противовоздушной обороны. Сейчас, на стыке радиофизики и астрономии образовалась новая отрасль астрономии — радиоастрономия.

При очень сильных вспышках резко возрастает и поток космических лучей, поступающих на Землю. А это указывает на образование во вспышках частиц с очень большой энергией—до 100 млрд. электроновольт. Частицы таких энергий до сих пор не удавалось получать на Земле даже в самых мощных ускорителях. Подсчитано, что вспышка 23 февраля 1956 года по мощности потока частиц высокой энергии была эквивалентна взрыву миллиона водородных бомб.

ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГЕТИКА СОЛНЦА И ЗВЕЗД

Солнце и звезды, в сущности говоря, представляют собой гигантские самоподдерживающиеся термоядерные реакторы. Ведь не следует забывать, что самая величайшая идея нашего времени о внутриатомной энергии развилась именно при изучении источников звездной энергии, а идея термоядерных реакций с участием водорода возникла впервые при изучении механизма выделения энергии в недрах Солнца. Таким образом, в основу работ современных физиков по управляемым термоядерным реакциям положены результаты проведенных ранее астрофизических исследований. Как известно, осуществление термоядерной реакции связано с поддержанием чрезвычайно высоких температур. А это требует надежной теплоизоляции термоядерного реактора от внешней среды. Внутри звезд эта проблема удивительно просто решена природой — «реактор» здесь окружен огромными массами вещества, удерживаемыми силами гравитации. Если ядерное энерговыделение в звезде возрастает, — звезда расширяется, при этом она слегка охлаждается до тех пор, пока энерговыделение (резко зависящее от температуры) не упадет до уровня равновесия. Так реализуется самоподдержание «звездных реакторов» в равновесном состоянии.

До последнего времени считалось, что ядерные реакции могут протекать только внутри звезд. Однако изучение солнечных вспышек и взрывов на поверхности других так называемых нестационарных звезд заставило пересмотреть эту точку зрения.

Спектр Солнца — это его своеобразный «атомный паспорт», изучение которого позволяет судить о химическом составе, температуре, давлении солнечных газов, а также обо всех атомных процессах, которые возникают на поверхности Солнца. Спектр Солнца позволяет также измерять солнечные магнитные поля и регистрировать их изменения. Очень большая работа по расшифровке и измерениям спектров различных процессов на Солнце, и в частности спектров вспышек, проводится в Крымской астрофизической обсерватории Академии наук СССР. Здесь имеется один из крупнейших в мире солнечных телескопов, который позволяет получать спектр Солнца длиной до 20 метров. В Крымской обсерватории ведется регулярное кинематографирование процессов на Солнце, работают приборы для регистрации состояния ионосферы, магнитного поля Земли, интенсивности космических лучей, радиотелескопы для регистрации радиоизлучения Солнца и др.

Спектры вспышек обнаруживают поразительное сходство со спектрами взрывов на земле, но наиболее интересна их связь с магнитным полем на Солнце и его изменениями. С помощью специального прибора — солнечного магнитографа — было обнаружено, что вспышки возникают в результате своеобразного быстрого «сжатия» и разрушения магнитных полей, приводящих к быстрому (импульсному) нагреву небольшой области (до 1 км) солнечного газа до температур около 15 млн. градусов. Этот процесс в некотором смысле сходен с сжатием и разогревом разреженного газа при возникновении в нем импульсного разряда большой мощности (до 0,5 млн. ампер), применяющегося в лабораторных опытах по получению термоядерных реакций.

Возникновение на короткое время таких температур во вспышках на Солнце приводит к обильному выделению рентгеновского и ультрафиолетового излучений, а также к возникновению частиц большой энергии — осколков ядерных реакций (в основном протонов), которые, ускоряясь в магнитных полях вспышки, достигают энергии космических лучей (10 и более миллиардов электроновольт). С этим связано усиление коротковолнового излучения и космического излучения при вспышках. Процесс сжатия во вспышке сопровождается последующим расширением и выталкиванием со сверхзвуковыми скоростями в космическое пространство солнечного газа, который затем образует потоки частиц, движущихся со скоростями до 3 000 км/сек.

Специфическое отличие земной физики от космической физики — в огромных масштабах ее явлений. Поэтому подчас очень трудно создать в лаборатории процесс, аналогичный космическому: нам неизвестны точно правила перехода от одних условий к другим. И все же что-то аналогичное солнечной вспышке в миниатюре, вероятно, можно получить в лаборатории при «сжатии» магнитных полей чрезвычайно высокой напряженности.

Не подлежит сомнению, что реализация в искусственных условиях некоторых процессов, связанных с колоссальным выделением энергии, наблюдаемых в космосе, может сыграть революционную роль в физике будущего. В этом смысле астрофизика есть физика будущего: изучая процессы, которые пока еще нельзя воспроизвести в земных лабораториях, она прокладывает новые пути развития физики.

Николай Атаров

Левушка

Новая повесть Николая Атарова «Коротко лето в горах» рассказывает об инженерах-путейцах—изыскателях и строителях железной дороги в горно-таежном крае.

Борьба за чистоту душевного склада, за ясность и коммунистическую твердость характера составляет тему произведения.

Ниже мы публикуем отрывок из повести.

— СКОЛЬКО вас будет в вагоне? — спросила проводница.

— В каждом купе по двое, только главный — отдельно.

— Значит, одиннадцать.

Тоня вздохнула.

— А что?

— То, что картошку чистить нам с Тамарой. Вот мы и интересуемся.

В служебном вагоне, стоявшем на путях в Лосинке, жили две проводницы. Поначалу Жуков различал их приблизительно: та, что постарше, — вертлявая; помоложе — хмурая. Потом имена запомнились: старшая — Тоня, младшая — Тамара; у нее высокий лоб, твердый рот, красивая, а в зеркальце не глядит. Тоня иной раз пудрится, но, конечно, без толку. Припадая на правую ногу, она размахивает мосластыми руками, все время болтает. За те дни, пока Жуков готовил вагон для бригадной поездки в Сибирь и добывал с проводницами белье и кухонную посуду, он ближе узнал этих женщин. Обе они бессемейные, сдружились в дальних разъездах. Тоня ухватиста: и вскочит в вагон, и тут же выскочит, где что вызнать и раздобыть, — всюду успеет, у нее мужние привычки. Красивая Тамара — та только с тряпкой в руке, молча все протирает.

Со своим уменьем ладить с людьми Жуков скоро стал у них третьим — вроде в семье прибавилось. Оставаясь один, занимался английским или спал. Приходил монтер, и Жуков помогал ему ставить на зарядку аккумуляторные батареи. Раза два они пообедали у проводниц— с водочкой, как сегодня. Готовила Тамара, а Тоня сбегала в магазин.

— Значит, пассажиров одиннадцать? — хрипловато допытывалась Тоня. — А девчата будут?

Под стать своей хромоте была она — с восковым лицом богомолки, с острыми рыжими глазками — совсем неинтересная женщина. Трудно было представить, что спрашивает она не из праздного любопытства и что могут быть у нее свои, бабьи, виды на мужчин, тем более — научных работников, которые должны будут поселиться в вагоне.

— Двух сотрудниц возьмут. Как говорят, на развод, — ответил Жуков и, поскучнев, добавил: — Я-то не еду.

Это была новость для проводниц.

— Почему?

— Не берут.

— Вы, что же, вроде коменданта? — деликатно спросила Тоня.

— Выходит, что вроде.

— Шу́тите.

Она не поверила, потому что монтер говорил ей, что Левушка работает в институтской кинолаборатории, снимает научные картины.

— Будет еще одна женщина, только в обратный путь. И она вам понравится, — сказал Жуков и убрал пустую бутылку под столик, за трубы отопления.

— Чья-нибудь жена?

— Дочка. Нашего главного, Алексея Алексеевича. Там она на изысканиях. Вот домой и поедет в папином купе.

— Подруга ваша? Или невеста?—вдруг догадалась Тамара.

— Нет, так просто. Она в МИИТе учится, а сейчас на практике.

Тамара взглянула на Жукова, но промолчала. А Тоня, ничего не поняв, затарахтела:

— Ну и ладно! Ваших бабенок трое, да нас две подружки под одним одеялом, а запоем — вроде сестер Федоровых, верно, Тамара?

И она высоким голосом — уже не в первый раз — затянула что-то пронзительно-жалкое. Тамара не поддержала ее, а электрик вышел. Жуков с интересом изучал Тоню. Умолкнув, она постреливала острыми глазками, а в то же время ловко распарывала по шву подкладку заношенного жакета.

— Зачем вещь портите?

— Разве порчу? — тонко рассмеялась. — Простирнуть хочу. В пути времени не найдешь. — Она вздохнула. — Худо мне, Левушка, — комиссия списывает на полную инвалидность. Даже в служебном не велят ездить. Значит, домой доживать, в Ивантеевку. А там сноха да сестренка. Приедешь в дом родной, и как в гостях: не знаешь, за что взяться. А бывало...

Когда Тоня рассказывала про жизнь, она упускала из виду, что перед ней молоденький двадцатидвухлетний Левушка, сразу ей приглянувшийся румяной смуглотой, веселыми серыми глазами, солдатской шинелью, и становилась тем, кем была на самом деле: усталой рабочей женщиной. Жуков выслушал, как она еще малым ребенком, оставленная в избе под присмотром деда, упала из его рук, визжала благим матом. Родители, темные люди, пришли с поля, ничего не поняли. Дед, подлец, не сознался. Она три дня, не переводя дыхания, визжала от боли, и сорвалась, изнемогла—сколько же можно? Как начала ходить — тут все поняли: хромая. Без стыдливости рассказывала она, как в шестнадцать лет, осознав свое уродство, поехала в город к врачам. А те покрутили ей ногу, сказали: «Операция тяжелая, а от женихов все равно не утаишь». Еще раз взрослой бабой, когда женскими болела, показалась старику хирургу. Он поглядел на нее сочувственно: «Сколько лет?» «Двадцать пять», — ответила. «Замужем? — спросил. — Любит?» Потом задумался и вынес окончательный приговор: «Поздно пришла. Ходи так».

— Ходи, ходи... Ходи в петлю, ходи в рай, ходи в бабушкин сарай... — пронзительно запричитала детскую считалочку Тоня, бросив жакет на худые колени.

А Жуков слушал и не слышал. Он думал о том, что вагон готов, а ему в нем не ехать. Вот нынче вся она — его поездка: дорожное знакомство, случайная выпивка, откровенные разговоры без взаимности. Спустя неделю те, кому совсем это не нужно, увидят в этом вагоне Галочку. Она будет ходить по коридору с полотенцем. Будет сидеть у отца в купе, поджав ноги, наедине со всеми своими летними впечатлениями. А он почему-то обречен глядеть сейчас, как проворно хромает эта женщина, слушать, как ужасно она поет, откликаться, когда непрошенно-ласково зовет его — Левушка...

Расставшись с проводницами, Жуков долго шел по путям, расправив плечи, всей грудью вдыхая холодный сентябрьский воздух. Он был навеселе, без нужды взбежал на кучу щебня, чтобы только послушать, как шуршит под ногами. Мимо прошли молодые рабочие с распаренными лицами, — наверно, из станционной бани. Все, что попадалось на глаза: желтые клены в палисаднике, черный бункер с углем, над ним серебряный след самолета, — все будило надеждой, казалось предвестьем обязательных перемен. С ним еще что-то случится! Если сбежишь из института — чувствуешь себя легко, как в армии.

Два года назад сержант Жуков демобилизовался из военно-воздушных сил, поступил оператором в кинолабораторию научно-исследовательского института, а еще не расстался с шинелью — он только носил ее теперь в разъездах, нараспашку, без петлиц и погонов. Был он самый непритязательный сотрудник в институте. Всем нравилось, что он никогда не унывает, сговорчив. Поэтому его часто нагружали посторонними поручениями — и он выполнял. Не очень-то было интересно снимать оживающие чертежи каких-нибудь автомотрис и препираться с начальником — унылым старым фотографом, ничего не смыслившим в киносъемках.

Институт снаряжал комплексную бригаду в Сибирь, в горно-таежный край, на строительство. Особая тема, привлекшая внимание института, заключалась в том, что проект будущей железной дороги на ходу переводили с паровой тяги на электрическую. Сам Устинович решил возглавить бригаду. Такая поездка по праву могла быть обеспечена необходимым комфортом, то есть попросту служебным вагоном — в тайге нет ни гостиниц, ни удобного помещения для работы. Стали вспоминать, кто в прошлом году удачно промыслил в недрах министерства служебный вагон для одной поездки. И хотя Левушка Жуков в этом случае мог бы уклониться — ведь он-то даже не был назначен в поездку, но он и тут пробормотал: «Будет исполнено...» Он только не выдержал характера, с беззаботным лицом осведомился: «Не возьмете ли и меня с собой, Алексей Алексеевич?» И не стал продолжать разговора, когда Устинович развел руками.

Что ж, две недели Левушка занимался практически полезной деятельностью. Он и сейчас шел по лесной аллее, приближаясь к дому, и думал не о чем-нибудь, а о котловом довольствии отправляющихся в дорогу, прикидывал, как бы помочь им закупить топленое масло и банок тридцать говяжьих консервов. «Как она поет пронзительно...» — вдруг вспомнил он Тоню. Другие мысли он отгонял, потому что чувствовал себя навеселе, а это случается не каждый день, незачем омрачать такие минуты... Жаль, конечно, что в поездку не берут. А о чем еще жалеть? Много ли он за два года потерял такого, о чем стоило бы жалеть? Да много ли приобрел? Если всерьез считать, с демобилизацией он потерял дружную семью культурных, технически грамотных и довольных собой и своей службой товарищей. А приобрел — если всерьез — только солнечную комнату для матери, полчаса в электричке до Москвы...

Когда-то до войны саратовский врач Жуков бросил жену с восьмилетним сыном. Он сошелся с ванщицей из нарзанных ванн в Кисловодске, перевелся в Москву, преуспел, возглавил онкологическую клинику. Новая жена его, высокая красивая женщина, собирала коллекцию полотен русских батальных живописцев. Отец давно разрушил семью, но до сих пор не изгладилась острая обида на несправедливость. Не за себя — за мать. В детстве было что-то неуловимо-постыдное в том, что отец нашел новую жену в каких-то ваннах. И хотя Левушка, став взрослым, понял, что нет тут ничего зазорного, что-то навсегда оскорбило его целомудрие. В школьные годы в нем тлело желание — придет срок вступить в состязание с отцом и дать матери, учительнице начальной школы, все великолепие материального благополучия, какого тот ее лишил. Пока из этого ничего не получалось. Вот только — комната солнечная. Жилье предоставили Жукову в тот же год, как зачислили в штат. Мать была вызвана из приволжского городка телеграммой. Она была довольна. Выйдя на пенсию, она скучала без сына. Была она по всем привычкам крестьянская женщина: черные волосы зачесывала туго, детей воспитывала строго, хлеб резала крупно. Была она самым дорогим человеком отчасти и потому, что Левушка видал ее во всяких видах, и в минуты слабости тоже. А в горячей любви матери — он знал — вечно жила трепетная вера в его хорошее будущее.

Когда Левушка подошел к дому, он увидел мать на огородных грядках.

— Где ты так долго? — спросила она. — Алексей Алексеевич приходил.

— Что-нибудь случилось?

— Конечно, случилось. И думаю, что хорошее. Во-первых, едут завтра...

— Интересно.

— Во-вторых... тебя берут с собой.

—Что ты так развеселилась? — спросил он небрежно.

После всего, что он передумал, добывая вагон, не хотел он позволить себе ликовать, хлопать в ладоши. Он был давно влюблен в Алексея Алексеевича. Все, что делал Алексей Алексеевич,—всегда с блеском, по-снайперски точно... Но зачем же мать так распрыгалась? Подумаешь, честь великая, зашел отец Галочки.

— Мне кажется, ты еще просто не вник, что едешь с Алексеем Алексеевичем. В Сибирь. На трассу. Радоваться бы надо... Там Галочка.

Это последнее она пробормотала скороговоркой, чтобы он мог не услышать, если не захочет.

— Я еду, — рассудительно сказал Левушка. — Я уже две недели еду, из вагона не вылезаю.

Он поглядел ей вслед с нежной улыбкой, совсем не скрывая, что он навеселе, что ему весело. Мать широким шагом шла к брошенному Витькой велосипеду.

СТАБРОВСКИЙ не спал и сна не видел. Просто прилег после обеда на тахте. И тут примерещилось что-то давно забытое — будто бы лошади ушли в тайгу, все лето прогуляли, а зимой вернулись. Гривы присыпаны снегом. И как бывает в сновидениях, — несообразность: ушли три лошади, а у ворот стоит целый табун.

Василий Афанасьевич заворочался и стал припоминать, что подобный случай был лет пятьдесят назад. Он тогда строил подпорные стенки от осыпей на Кругобайкальской дороге. Мужики уступили изыскательской партии по сходной цене трех лошадей, а лошади ушли; зимой по бескормице прибрели на свои дворы, к прежним хозяевам. Изыскатели давно в Петербурге. Как тут быть? Завязалась канительная переписка, в которой принял участие молодой инженер.

Однако никакого табуна, кажется, не было? Ушли три лошади, они же и вернулись. Стабровский подумал, что на днях его юбилей. Семидесятипятилетие. Зима жизни. Радоваться нечему, а жена уши прожужжала. Ему показалось, что сонный мозг придумал насмешливое иносказание: табун в снегу у ворот — это его старость, множество прожитых лет. И он рассердился. Старые дуры глупее молодых: жена не понимает, что не ко времени торжество — это хуже забвения. Когда он на старости лет выполняет какие-то экзерсисы в институте и каждый в зубы ему глядит — не пора ли, дескать, на покой, — что за юбилей! Забудут оповестить кого следует, и даже старые товарищи поленятся ехать из Москвы за город.

И он, мрачный, слонялся по квартире целый вечер, по привычке расхаживая, читал книжку про кибернетику.

А утром на следующий день жена в комиссионном нашла старинное мужское кольцо — достойный подарок юбиляру. Она всегда так полагала: что нравится ей, то хорошо Васе. Перстень с камеей, оправа чудной работы: чугун и золото; правда, мужская голова на камее разбита, уцелели только шея, кусочки подбородка, носа и крутой локон. Это ее немного огорчило. Но когда она вернулась домой, то вспомнила, что у Льва Толстого Николенька Ростов, став помещиком в Лысых Горах, тоже носил перстень и, кажется, с головой Лаокоона, и даже разбил камею, сгоряча ударив кулаком мошенника старосту. Она сняла с полки четвертый том «Войны и мира», нашла нужную страницу в эпилоге, еще раз, обомлев, глянула на покупку. Ведь это то самое кольцо! Непостижимо!.. Не в силах совладать с разыгравшимся воображением, она поспешила к телефону, набрала номер институтского коммутатора. Но загородный коммутатор в служебные часы — крепость, за стенами которой муж отсиживается целыми днями. Только в обеденный перерыв она дозвонилась и в ответ на свое лепетание услышала сердитую отповедь Василия Афанасьевича:

— Прошу избавить меня и дать возможность... Что? Повторяю, дать возможность беспрепятственно заниматься своим делом.

Когда он сердился на домашних, то выражался вычурно, торжественными канцеляризмами.

...Он положил трубку. Но телефон снова зазвонил. Он прижал трубку к уху, отчетливо повторил:

— Я уже сказал, что прошу избавить...

И услышал мужской, несколько насмешливый голос:

— Вы еще не знаете, что я предлагаю.

— Простите, кто это?

— Устинович.

— Слушаю, Алексей...

— Алексеевич. Я приглашаю вас в интересную поездку на трассу... Вы ведь осведомлены: там после взрыва скального косогора уже десятый день продолжаются осыпи и камнепад. Я не осмелился, если бы сам не ехал с удовольствием.

— В Сибирь? — спросил Стабровский, ничего не понимая.

— Решать надо, к сожалению, немедленно. Мчусь в министерство.

— Ах, в Сибирь! Пожалуйста! — сказал Стабровский и снова придавил трубкой рычаг.

Он никогда не считал доктора технических

Критика и современность

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

их убеждать, надо с ними спорить квалифицированно, на том уровне, на каком они сами пишут...».

Высокое, благородное призвание газеты «Литература и жизнь» — постоянно держать в поле зрения литературу, растущую в областях, краях и автономных республиках Российской Федерации, находить там таланты, поднимать и поддерживать их. Она ведет работу в этом направлении, и это хорошо. Но и здесь кое-что тревожит. Одних газета греет лучами своего внимания, других — вовсе не замечает. Она постоянно подчеркивает желание ввести в литературу как можно больше писательских имен, — желание, конечно, хорошее. Однако не вступает ли оно в противоречие с требовательностью, с реальным весом этих имен в литературном процессе?

В последнее время, сказала Н. Надъярных, украинская «Літературна газета» улучшила свою работу, стала оперативнее откликаться на события литературной жизни республики. Но, к сожалению, выступала она по преимуществу в роли информатора, ограничив свою задачу публикацией обзоров, рецензий, заметок. Проблемные статьи — все еще редкость на ее страницах. Удачно прошла лишь дискуссия об очерке. Разговор о критике и о рабочей теме газета начинала, но он, не успев вспыхнуть, тут же потухал.

Нельзя не сказать и о том, отметила выступавшая, что украинский литературный процесс рассматривается газетой, в сущности, в отрыве от всесоюзного. Газета сообщает читателям определенные факты литературной жизни в других республиках, но делает это обычно в связи со знаменательными датами. Этого явно недостаточно.

Обзор критического отдела журнала «Новый мир» сделал Л. Якименко. Он подчеркнул, что критика в этом журнале по-настоящему профессиональная, квалифицированная, не грешащая снисходительностью к художественному качеству произведений. Но сплошь и рядом она не выходит за пределы литературы, критики не поверяют книги жизнью. Даже в хороших рецензиях «Нового мира» ощущаешь отсутствие у критика глубокого знания сегодняшней жизни. Бороться за высокое художественное качество необходимо, но надо заботиться и о том, чтобы оно сочеталось с новым содержанием, надо уметь распознавать новое.

Не худо было бы нашим журналам, в том числе и «Новому миру», учесть опыт «Октября», который делает сейчас попытку вывести критику на орбиту жизни, чтобы она постоянно чувствовала реальную действительность.

Журналу «Новый мир» не хватает проблемных статей, ставящих коренные вопросы литературного развития. В этой связи оратор критикует статьи В. Сурвилло «На путях романтики», поверхностно и неточно решающего проблему романтического, ответ А. Дементьева С. Злобину, в котором нет прямого разговора о слабостях «Сентиментального романа» В. Пановой.

В. Панков анализировал достижения и неудачи отдела критики в «Звезде». Заслуга журнала в том, что он, не скупясь, отводит место для критико-библиографических материалов, что на его страницах выступают не только ленинградские критики и разбираются произведения не только местных писателей. «Звезда» активно борется против зарубежного ревизионизма; выступающие на ее страницах критики убедительно показывают, что приземленное изображение жизни чуждо принципам социалистического реализма.

Один из главных недостатков критики «Звезды» — низкий уровень эстетического анализа. Сухо, неинтересно, а иной раз и социологично говорят здесь об искусстве. В. Панков подтверждает это положение разбором статьи А. Урбана «Народность, мастерство, традиции», показывая, что ее автор находится в плену литературных штампов, наукообразной фразеологии. Не украшает выступления некоторых авторов и мелочная полемика (здесь оратор указывает на статью А. Эльяшевича «На решающем рубеже»).

КРИТИКА и современность... Для того чтобы верно разобраться в живом, сложном процессе развития сегодняшней действительности, — а без этого невозможно судить о заключенной в произведении правде жизни, — от критика требуются идейная зрелость и чуткость, партийная страстность и принципиальность. К этой мысли вновь и вновь возвращались участники развернувшейся дискуссии.

Мы не имеем права молчать, заявил В. Озеров, когда рядом с хорошими книгами о современности появляются произведения унылые, поэтизирующие несчастных, неустроенных людей, разбитые судьбы.

Критика не может молчать и тогда, продолжал оратор, когда во многих произведениях, особенно кинодраматургии, снижаются моральные критерии. Как бы себя ни вел человек, что бы он ни совершил, его в лучшем случае накажут в административном порядке, но морально не осуждают. Между тем, морально-этическая тема сейчас выдвигается как тема центральная. И это совершенно естественно, потому что речь идет о формировании души человека, строящего коммунизм.

Многие выступавшие указывали на опасность догматического решения эстетических проблем.

Бесспорно положение, отметила Е. Книпович, что, поскольку у нас нет и не может быть «потерянного поколения», у нас нет и литературы «потерянного поколения». Нашу военную литературу создают участники всенародного подвига, освободители Европы от фашизма. Но за этим бесспорным положением порой следует уже неверное: если у нас нет почвы для литературы «потерянного поколения», то наша литература будто бы ограждена от буржуазных влияний. Мы часто говорим о содержательности формы, но забываем о ее активности, о том, что форма способна воздействовать на содержание. Это следует понять тем, кто считает, что заимствование формы у писателей чуждой идеологии — дело безопасное.

Та же проблема — взаимосвязь явлений эстетического и идейного порядка — ставилась участниками обсуждения, когда они анализировали некоторые слабости литературных дискуссий 1959 года (в том числе и тех, что вела «Литературная газета»).

Я не согласен с опубликованной в журнале «Искусство кино» статьей В. Некрасова о «Поэме о море», говорил Л. Новиченко. Но я благодарен ему потому, что его выступление вызвало разговор, который помог прояснить вопрос об идейном единстве и художественном многообразии нашей литературы.

В ходе литературных дискуссий, продолжал Л. Новиченко, некоторые ее участники, и прежде всего И. Эренбург в статье «Обсуждение или осуждение?», рассматривали вопрос об идейной позиции художника как нечто само собой разумеющееся и поэтому несущественное. Главное, по их мнению, это художественное мастерство. Мы покончили с догматическими представлениями о прямом соответствии между методом и стилем, представлениями, которые служили теоретической основой для отлучения одних писателей от социалистического реализма и толкования творчества других как обязательных эталонов. Но есть другая опасность: объявить все художественные решения равноценными, все манеры — полноправными и автономными от метода, от идейной позиции художника. Надо яснее представить себе проблему взаимоотношений различных творческих манер и стилей в нашей литературе. Да, в известной степени это отношения свободного соревнования, но за определенной гранью они могут отражать и идейные споры, столкновения различных идейных позиций. Нет чисто художественных, как нет чисто мировоззренческих вопросов в искусстве. Это один из поучительных уроков наших дискуссий.

ПО СПРАВЕДЛИВОМУ мнению многих ораторов (Е. Мозолькова, И. Султанова, М. Каратаева, В. Жгенти, С. Агабабяна, А. Мурадова и др.), нашей критике пора уже вести разговор о советской литературе как о **единой, многонациональной** литературе, причем разговор не декадно-юбилейный, а по-настоящему аналитический и широкий, без эстетической снисходительности к молодым, но уже окрепшим литературам. Отделы критики газет и журналов должны научиться мыслить крупно, видеть общесоюзный масштаб явлений, хорошо разбираться в сложных вопросах национальной специфики.

В связи с этим нельзя не остановиться на полемике, завязавшейся вокруг статьи В. Назаренко «Черты русского стиля» и поддержанного «Литературной газетой» выступления Б. Бурсова в «Ленинградской правде», резко критиковавшего ошибки В. Назаренко. Автор статьи «Черты русского стиля» не сделал, однако, для себя из этой критики никаких выводов, он заявил на секретариате: «Я не собираюсь защищать свою статью, я собираюсь наступать». В. Назаренко прошел и мимо того факта, что даже те, кто считает выступление Б. Бурсова и «Литературной газеты» чрезмерно резкими, говорили о грубых ошибках статьи «Черты русского стиля», о том, что сама методология этой статьи неверна. И прав был В. Жгенти, когда заявил: В. Назаренко должен понять, что в таких вопросах нужна абсолютная точность, а не считать, что к нему придираются.

Путаница в истолковании проблемы национального своеобразия и традиций существует, и надо обратить внимание литературной общественности на этот факт. С. Гайсарьян в своем выступлении, например, указывал и на путаную статью молодого критика Д. Старикова «Приглашение к роднику», автор которой, борясь против национального нигилизма, незаметно для себя впадает в национальный традиционализм.

И еще один недостаток нашей критики, вызывающий беспокойство, — это дурной вкус, захваливание, амнистирование слабостей. А к чему это порой приводит, — об этом образно говорил Ем. Буков: «Жили-были у нас литераторы, которым никто не указывал на недостатки. Их так часто и усиленно гладили по головке, что в конце концов они стали творчески лысыми. А жаль. При правильном уходе за творческой шевелюрой они сохранили бы приличную литературную прическу».

На дискуссии был поставлен вопрос, который, несомненно, нуждается в самом внимательном и безотлагательном изучении и решении. Нельзя пройти мимо того, что книжный рынок наводняется произведениями халтурными, низкопробной приключенческой литературой (об этом говорили многие, но особенно горячо — В. Шкловский и Н. Грибачев). Писательская общественность плохо следит за тем, какого качества литературную пищу получает широкий читатель. Надо покончить с равнодушием, с политикой невмешательства.

К сожалению, на второй план отошли такие проблемы, как мастерство критика и воспитание молодых критиков. Нельзя сказать, что этих проблем вовсе не касались (о воспитании молодых критиков, например, интересно говорил Н. Гудзий), но необходимо обсуждение более конкретное и детальное.

НЕТ нужды перечислять здесь те практические предложения, которые были внесены ораторами — ими в рабочем порядке займется секретариат правления Союза писателей. Мы не смогли также изложить всех выступлений — в дискуссии приняли участие Н. Макарова, А. Адамович, Б. Сучков, М.-Д. Джафаров, А. Нинов. Подчеркнем лишь в заключение, что широкое обсуждение проблем современной литературной критики, проведенное с позиций партийной принципиальности и хозяйской заинтересованности, поможет нашей литературной теории и практике, будет способствовать росту литературы, призванной служить делу коммунизма.

наук Устиновича выдающимся инженером, и приглашение не было ни особо лестным, ни материально выгодным. Но он не мог отказать себе в удовольствии покарать жену за мельтешение и глупые подарки. Всю жизнь путеец-строитель, он знал две радости в году: когда, закиснув в Питере, уезжал на строительство — то на Кодор, то на Амур — и когда, измучась неудобствами полевого быта, порядочно одичав, как те лошади из тайги, возвращался в большой город, в благоустроенную квартиру, к первой жене — покойнице. Сейчас приглашение ехать в Сибирь показалось ему даром судьбы. Как всякий дар судьбы, он был умнее, драгоценнее перстня с обломком Лаокоона.

В буфете его ожидало разочарование. Со стаканом сметаны в руке подошел геофизик Полудин:

— Говорят, в поле собрались?

— Еду на трассу.

— С ума сошли.

— Все удобства и не скучно: молодежь, служебный вагон.

— Именно, что нет никакого вагона! Отказали! Утром в министерстве решили: хороши будете так, есть литера, садитесь, езжайте. Тогда Устинович ударил хвостом, вы знаете Алексея Алексеевича, он от своего не отступится. В эту минуту в министерстве он аргументирует в пользу служебного вагона — вами, вашими заслугами, опытом. И даже предстоящим юбилеем...

Самое удивительное, что все было почти в точности так, как сочинил Полудин. Утром Левушка Жуков, услышав потрясшую его новость, примчался в институт. В кабинете шефа собрались все заинтересованные лица: Сельцов, Кратт, Вера Павловна. Даже Люсенька осмелилась заглянуть в открытую дверь.

— Этого еще не хватало, — вслух рассуждал Устинович. — Приедем, задергаем занятых людей. Вместо одной сводки будут готовить две. Прибыла партия бездельников, стыдящихся получать зарплату... Так нет, будут нам еще уступать свои раскладушки. А похолодает — Веру Павловну, Люсеньку с чертежными столами ближе к печке. Все-таки москвички... Ну его к черту, — негромко проговорил он и снял трубку телефона.

Это был экспромт! Звонок к почтенному специалисту по оползням, которого из уважения к истории русской техники, что ли, лелеют в институте. Только Устинович способен отколоть такое! То, что случилось в следующую минуту, несколько дней в пути было предметом восхищенного обсуждения: Стабровский согласился, не раздумывая. Устинович потянулся за своей зеленой шляпой, молча помаяв за собой Левушку. Не прошло часа, как в министерстве вагон был снова разрешен с оформлением документации. Не желая испытывать судьбу, Алексей Алексеевич приказал готовиться к отъезду и выехать сегодня же, не позже двенадцати часов ночи. Все засуетились. Вера Павловна и Сельцов поехали за говяжьими консервами. Жуков был отряжен в отдел движения — разузнать, какой поезд удобнее по весовым нормам, по расписанию...

ВАГОН, чисто прибранный стараниями Тони и Тамары, еще не подключен к осветительной системе поезда. В купе, куда вносят чемоданы, в полумраке белеют простыни и подушки. Коридор и салон, куда заглядывают любопытные, освещены снаружи сквозь шторки окон — в дымке дождя на мокрой стене вокзала сияют розовым неоновым светом огромные буквы Москва.

От этого хорошо только Люсеньке, ее провожает никому не известный юноша, принесший мокрый букет хризантем. Они шепчутся, шепчутся, вдруг слышится ее поющий голос, потерявший на миг управляемость:

— Андрюша, я не хуже и не лучше всех...

Левушка Жуков с матерью сидят рядышком в соседнем купе.

— А это передашь... — шепчет мать.

— Ну, зачем ты... Я, может, ее и не увижу.

В потемках он все же позволяет материнской руке нашарить карман шинели и погрузить в него какую-то завернутую в газету вещицу — подарок Галочке.

В полутьме вагон полнится голосами.

— Вера Павловна, вы не забыли рейсшину и тушь?

Это проходит с ворохом рулонов Игорь Янович Кратт в дорожном макинтоше, всюду вносящий с собой дух достоинства науки. Чувствуется, что ему не нравится бесталмашная обстановка отъезда в потемках.

— Кто будет в купе с Устиновичем?

Это унылый голос длинного черношинельного инженера с прозвищем «Кочерга» — представителя министерства-заказчика. Он в вагоне единственный чужой, не институтский.

— Алексей Алексеевич попросил, чтоб к нему не подсаживали, — отвечает голос Сельцова. — В обратный путь мы возьмем его дочку Галочку.

— Он всегда для «галочки» ездит: отметиться... — каламбурит угрюмый инженер.

— Веселая компания, — шепчет Левушкина мать.

— Что ты!.. — возражает Левушка. — Утрясемся, все станут хорошие, симпатичные.

— Где же Алексей Алексеевич? Что-то запаздывает.

Грузная тень Стабровского загораживает дверь в купе.

— Кажется, мне с вами назначено ехать?

Жуков вскакивает с готовностью.

— Да, если вы не против. И, разумеется, вам — нижнее место. А я люблю наверху.

Левушка не понимает, как, впрочем, все в бригаде, почему так легко согласился ехать старик, и не ждет от его длительного соседства ничего приятного. Он помогает Стабровскому раздеться, втаскивает его баул в тесное купе. В это время, повернувшись к нему спиной, Василий Афанасьевич досказывает жене то, что начал, по-видимому, еще на платформе.

— Ты думаешь, за что Устинович получил доктора технических наук? За диссертацию на тему: «Маркс и Энгельс о железных дорогах». Как нынче говорят, — грамотный инженер... Ты положила мою большую чашку?

Мимо купе проходит толстушка Вера Павловна, техник из отделения Устиновича. Сегодня ей досталось больше всех, она громко жалуется:

— Пишут в авансовом отчете: «день отъезда и день приезда считать за один день». А этот день надо бы считать за год! Говяжьи консервы...

Путь ей преграждает жена Стабровского, что-то шепчет ей, тщательно заслоняясь от двери купе, где застрял Василий Афанасьевич, сует ей в руки торт в коробке. Взглянув, Левушка сразу оценивает мизансцену: старушка хочет, чтобы юбиляру вручили в пути именной торт.

— Только, милушка, утром шестнадцатого, вы не забудете?

И, польщенная доверием, даже растроганная, Вера Павловна кивает, кивает головой. В эту минуту вспыхивает электрический свет. И суеты сразу становится как будто больше, а голоса тускнеют. Впрочем, еще один возглас на минуту объединяет всех. Кричит из салона Сельцов:

— Товарищи, поздравляю — мы едем в царском вагоне!

Все тянутся по коридору на этот возглас. Салон радует глаз: стены обиты старинным дорогим линкрустом, мебель красного дерева. Толстяк Сельцов демонстрирует стеклянные дверцы шкафа, на них красуются царские гербы с двуглавым орлом.

— Товарищи, это ведь в институтскую многотиражку! Фельетон под заголовком: «На молодежную стройку — в царском вагоне!»

Сельцов всегда и во всем ищет смешное. С ним любят ездить в командировки. Его любимое словечко — «интертрепация».

Игорь Янович начаянно подтверждает открытие Сельцова — он ощупывает рукой кожаную подушку черного пузатого дивана, из тех, какие сегодня не встретишь в современных вагонах. И на подушке темнеют августейшие вензеля, две буквы вязью «Н» и «А», осененные короной. Зовут Василия Афанасьевича: он-то должен знать. Старый путеец оглядывает шкаф и диван.

— Вагон императорского парка, — подтверждает он. — Ездил все же, вероятно, не царь, а кто-нибудь из свиты...

Игорь Янович морщится и уходит. Ему не нравится ни эта толпа в салоне, ни теплые боты Стабровского, ни развязная веселость Сельцова. Так ученые не уезжают, в этом он чувствует прискорбный недостаток самоуважения. «Теория отбывает в Сибирь», — мысленно произносит он и жалеет, что до сих пор не прибыл Устинович, с ним все было бы как-то приличнее.

— Осталось пять минут...

— Где же Устинович, товарищи?

— Провожающие... — пронзительным голосом начинает Тоня. Ей хочется скорее освободить вагон от всех этих женщин — старых и молодых. С Верой Павловной она, впрочем, уже подружилась, когда загружали ящик-погребок.

В коридоре начинается обратное движение — отлив. Левушка помогает матери выйти на платформу. Дождь не перестал. Алексея Алексеевича не видно ни на мокрой платформе, сверкающей розовыми лужами, ни далеко у выхода из пассажирского зала.

Последним выскакивает из вагона молодой человек. Люсенька машет ему хризантемой из-за шторки окна.

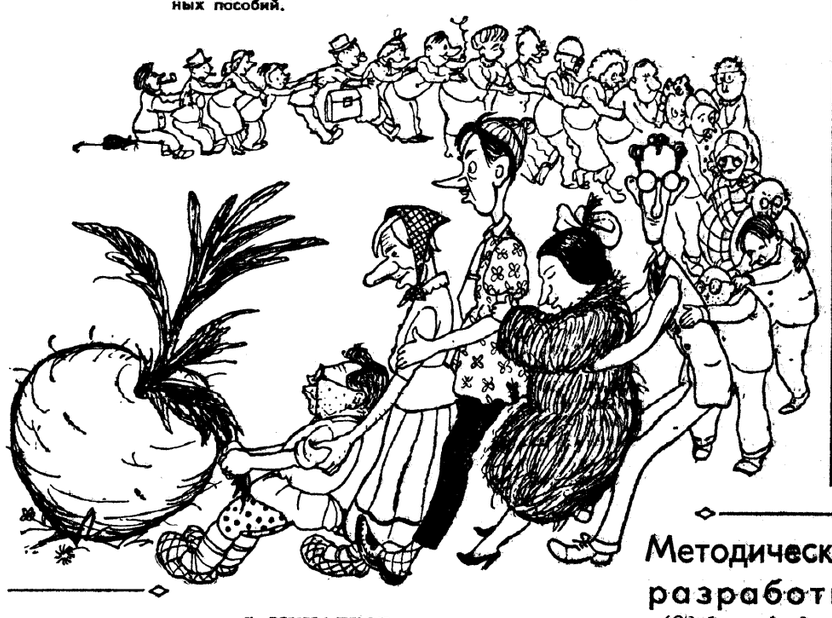
В двадцать три ноль-ноль служебный вагон в хвосте поезда дальнего следования отправляется без Устиновича. И сразу начинает поматывать, все двери поскрипывают.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ
ОТКРЫТ ПО СУББОТАМ

К сведению посетителей Литературного музея!

Сегодняшняя экспозиция нашего музея посвящена взрослым авторам, творящим для детей. Центральным мотивом экспозиции является популярный в детской литературе образ Репки. На стендах вы увидите, как по-разному трактуют этот образ известные детские писатели, авторы и методисты. На выставке представлен также ряд вспомогательных материалов и наглядных пособий.

ТВОРЦЫ И ДЕТИ



М. ПРИЛЕЖАЕВА

Как вытянули репку

Вася Репкин, по прозвищу Репка, был довольно круглым отличником шестого «Г». Его отец был известным ефрейтором, отличником боевой и политической подготовки, а мать — знатной надоменщицей металлургической артели «Сталь и шлак». Ее звали Гертруда, что сокращенно означает героиня труда.

Избалованный ростом материального благосостояния семьи, Вася Репкин в последнее время сильно зазнался и стал учиться спустя один рукав.

— Репкин, к доске! — ласково и нежно сказал заслуженный учитель физики Демид Егорович Денисов, которого в шестом «Г» кратко звали Дедом. Звали, конечно, за глаза, почтительно, с глубокой любовью и в свободное от учебы время.

В тот день Репка настолько зазнался, что не знал закона Архимеда. Он стоял и глубоко молчал, а класс смотрел на него возмущенно, гневно, презрительно и осуждающе.

— Эх, Репкин, Репкин! — проникновенно вздохнул Демид Егорович. — Вырос ты большой-пребольшой, а знаний из тебя не вытащишь. Придется звать на помощь широкую общественность. Садись, Репкин.

И железной морщинистой рукой он вывел в классном журнале упитанную двойку.

Прозвенел звонок, и тотчас же по всему дружному, спаянному коллективу учащихся, учителей и обслуживающего персонала 135-й почти полной и вполне средней школы пронеслась весть: «Посадил» Дед Репку!

На большой перемене Репкина вызвала классная руководительница Павла Марьевна Бабко.

— Милый Вася, — задушевно сказала она. — Мы добились сплошной успеваемости на основе ликвидации неуспеваемости в классе. Почему ты с такой огромной силой тянешь нас назад?

Багровая краска стыда покрыла Васю с головы до ног.

— Я зазнался, — честно признался он. — Меня надо вытягивать.

В тот же вечер Павла Марьевна Бабко позвала на помощь пионервожатую Аню Внучкину. Был созван совет отряда. К Васе Репкину наглухо прикрепили самых круглых отличников — Петю Жучкина, Ваню Кошкина и Лиду Мышкину. Они дружно вытягивали его. Петя Жучкин лично садился в ванну, наглядно демонстрируя закон Архимеда. Ваня Кошкин помог Васе сделать действующую модель чернильницы-непроливайки, а Лида Мышкина тем временем играла в шахматы с пятилетней сестренкой Васи, готовя ее к соревнованиям на первенство детсада среди девочек.

Уже через сто страниц Вася засучил спущенный рукав и стал идеально круглым отличником и исключительно прилежаевым учеником.

С. МИХАЛКОВ

БАСНЯ

БЫК И РЕПКА

Быком посажена была
однажды репка...
Вросла та репка в землю
крепко.
И вот, чтоб вытянуть ее,
Бык срочно вызвал
всевозможное зверье.
Задача оказалась нелегка!
За репку взялся бык,
Корова — за быка,
Корову стал тянуть теленок,
Теленка — друг его, котенок.
Котенка — друг его, утенок,
И, наконец, их общий друг —
рыбенок.
(Так рыбий у зверей звался
ребенок).

Тянули все, друг друга
обхватив,
И репку вытянул здоровый
коллектив!..
Мораль в сей басне точная
на диво:
Как трудно одному без
коллектива!
И смысл басни сей полезен
и здоров
Не только для быков и для
коров,
Но также для червей,
верблюдов и ослов,
Для чижиков, медуз и
осетров,
И уж, конечно, для седых
бобров...

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Бабкина репка

Репка! Из каких глубин памяти возникло это серебряное слово? Солнце, земля, роса, скажите мне, отчего она растет, почему так трудно, так невыносимо тяжко ее вырвать?

Репка! Это слово звучало в каждой росинке, оно откликалось, звенело, переливалось: репка... дедка... бабка...

Внучка! — говорили деревья.

Жучка! — подхватывал ветер и нес эти слова куда-то далеко, а в мышкиных зубах — крепких и белых — отражался, звенел, искрился солнечный лучик...

Репка! Есть что-то вечное и мудрое в слове, которое каждый ребенок помнит с того незабываемого и пронзительного мгновенья, когда он открыл свои глаза.

Репка! — густым басом прохрипел дворник и облил шлангом грядку, где она росла, желтая, как луна, крутая, как внучкин лобик, сладкая, как воспоминание о бабкином детстве, когда бабка босыми ногами выбегала на утренней заре к морю и взахлеб пила воду, холодную, как ручка троллейбуса в январский мороз, прозрачную, как молодое стекло на стеклодувном заводе, соленую, как селедка, плескавшаяся неподалеку.

— Сдали ли вы репку в утильсырье?! — спросила тоненькая пионервожатая, открывая калитку, и скрип калитки напомнил дедке его далекую юность, когда он темной ночью выходил в чем бог послал, а деревья стояли вокруг такие деревянные и шелестели листьями такими зелеными, как я не знаю что. Вот и теперь деревья делали свое деревянное дело, бабка жучила внучку, а внучка — Жучку...

...А мышки не было. Не было, и все тут.

Так о чем бишь я? Ах, да, о репке. Я тут ничего не выдумала, а если что и выдумала, то репка моя, а грех пополам.

Методическая разработка

(Одобрено Академией педагогических наук)

Преподнося «Репку» школьникам, обычно педагог главные свои усилия обращает на раскрытие, с одной стороны, образа центрального героя сказки — репки и, с другой стороны, образов Дедки, Бабки, Внучки, Жучки, Кошки и Мышки. При этом в тени остается тот вопиющий факт, что дочка Дедки и Бабки, мать их внучки, вообще не вышла на работу и не приняла никакого участия в общем, дружном вытянутии репки. А ведь именно в этом-то сатирическая соль сказки, которая метко бичует лодырей и белоручек типа дочки, противопоставляя образу дочки-белоручки трудолюбивые образы Внучки и Жучки.

Ни единым словом не обмолвился автор «Репки» о дочке, давая тем самым понять, что она бросила родителей, ребенка, любимых домашних животных, не пишет домой писем и не оказывает престарелым Деду и Бабе никакой материальной помощи.

Вопросы для ответов:
1. Кто посадил репку?
2. Что посадил Дед?
3. Что Дед репку?
4. Кто тянул репку?
5. Кто не тянул репку?
6. Назовите области и районы страны с интенсивно развитым огородничеством.

ЛЕКЦИЯ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

(ОТРЫВОК)

Тема семьи и воспитания лежит в основе картины Репина Иван Грозный убивает своего сына. Глядя на нее, мы сразу догадываемся, что Иван Грозный, несмотря на государственные дела, лично занимался воспитанием своего сына. Мы догадываемся и о том, что сын его Ваня плохо слушался отца, был недостаточно дисциплинированным. Отсутствие школьного коллектива также сыграло свою отрицательную роль. Ваня определенно отбился от рук. И вот Иван Грозный, с посохом в руках, берется, может быть, с излишней горячностью, за перевоспитание сына. Художник сочувствует этому родительскому порыву Грозного и в то же время как бы выносит на наше обсуждение вопрос: не чересчур ли поспешно решают некоторые папаши педагогические вопросы, что приводит порой к довольно серьезным промахам?

«Я ВАМ ПИЩУ...»

(Опыт кинорецензии)

Нам хотелось бы сказать несколько по-большому взволнованных слов о наших детях, которым так повезло, что они живут в одно время с замечательными детскими писателями.

Вот и сегодня дети счастливы познакомиться с новым фильмом «Я вам пищу...» по сценарию молодого детского писателя Виталия Алексашина. Фильм поставлен в далекой виноградной республике, что само по себе уже свидетельствует о подлинной скромности писателя, который не лезет нахально, как некоторые другие, на столичные студии, понимая, что и на периферии детского писателя умеют уважать и ценить.

Главная неожиданная находка сценариста — в самой коллизии фильма: избалованная девушка перевоспитывается в работящую. Каждому отрицательному персонажу автор противопоставляет от одного до двух положительных, чем демонстрирует глубокое понимание специфики кино. К сожалению, тонкий замысел писателя был огрублен режиссером, всеми артистами, оператором и директором студии. Некоторые зрители безответственно намекают, что беда заключается в сценарии. Это неправда. Алексашин — отличный человек, чуткий товарищ, активный общественник.

И неправда, что В. Алексашин был более справедлив в своей высокой оценке моих произведений, чем я в критике его сценария. Страстная, дружеская объективность всегда была правилом нашей писательской жизни.

Мы, детские авторы, твердо сконсолидированы на почве доброй товарищеской взыскательности и взаимной непримиримости к чужим недостаткам.

Спасибо тебе за все, дорогой друг и товарищ!

Л. ПОДКОСИЛЬ

Мальчик Вова

(Дамские стихи для детей)

Я хочу вам рассказать,
Что за мальчик — Вова:
Взрослым людям помогать
Дал наш Вова слово.

Не имея в дневнике
Ни единой двойки,
Шел он как-то налегке
Мимо новостройки.

Поглядел он, поглядел
На нее украдкой
И мгновенно овладел
Скоростною кладкой.

Знай, мечи,
Знай, мечи,
То раствор,
То кирпичи!

Преисполнен юных сил,
Влез на кран портальный
И, представьте, перекрыл
С ходу план квартальный.

Ой, агуськи,
Агу, —
Я вам, дядя,
Помогу!

Он еще не пионер,
Он лишь октябренок,
Но с него берет пример
Каждый наш ребенок.

Тук-тук там,
Тук-тук тут,
Ай да первоклассник!
Что такое, дети, труд?
Это, в общем, праздник!

Елена КОНОНЕНКО

ШКОЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Вы доезжаете в метро до вокзала, потом на электричке до станции Болшево. Там вы садитесь на встречную электричку и возвращаетесь в Москву. Таким образом вы как раз попадаете к началу занятий в 113-й школе. Маленький белый домик ничем не отличается от больших серых зданий, обступивших его со всех сторон. В раздевалке шумно. Тетя Паша ласково встречает малышей. Одного она матерински пошлепает, другого отечески приголубит, третьему сунет кусочек сахара, кому удалит больной зуб, кому поможет решить трудную задачу.

Через ее ласковые руки прошло несколько поколений, ее мужественные ноги вот уже тридцать лет ходят по вестибюлю школы. Много надо иметь терпенья, выдержки, мужества, упорства, настойчивости, уверенности в себе, постоянства и разных других положительных качеств, чтобы изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год делать свое скромное, незаметное, неблагодарное, но такое нужное людям дело...

Когда Анфиса Панкратьевна входит в класс, следы умиления невольно блестят на глазах ее учеников. Ай-яй, какая она хорошая! Тихо в классе...

Только тот, кто сам преподавал, может по достоинству оценить эту тишину.

— Я люблю своих учеников, — говорит Анфиса Панкратьевна, — и они за это любят меня. А я их за это люблю еще больше. А уж они меня за это просто обожают. А уж я их...

Звонок прерывает наш разговор.

Анфиса Панкратьевна начинает урок.

— Верочка, — говорит она, — иди к доске. Вот тебе задача, решай ее правильно! Дай я тебя поцелую. Лучшая лыжница нашей школы! — тихо говорит она мне.

Вера решает задачу с такой быстротой, что просто дух захватывает.

Перед нами самостоятельный человек, готовый решить любую задачу, которую поставит перед ним жизнь. Маруся, Галя и Федя ничем не хуже Веры. И хочется петь, хочется кричать от радости при взгляде на Верочку, на Анфису Панкратьевну, на всех этих ребят, таких хороших и разных. Я вся дрожу от восторга...

Младшие и старшие научные сотрудники: В. Берестов, Н. Богословский, Е. Горохов, В. Лифшиц, Л. Лиходеев, З. Паперный, А. Раскин, К. Файзулин, Ю. Ханютин.

РАЗВЕСЕЛЫЕ ОТМЕТКИ

СТЕРВЯТНИК ПРИКИДЫВАЕТСЯ СОЛОВЬЕМ

Субботняя литературной почты газеты

В конце сентября прошлого года в прогрессивном западногерманском издании «Ди тат» была напечатана статья, которая начиналась так: «Имеющийся в нашем распоряжении материал содержит страшное обвинение: федеральный министр подозревается как соучастник массовых убийств во время войны». Речь шла об Оберлендере. И Оберлендер начал заметать следы. Но усилия боннского государственного аппарата оказались тщетными. Общественность Западной Германии узнала правду о преступлениях Оберлендера.

После войны Оберлендер стал одним из ближайших доверенных людей Аденауэра. Назначенный министром по делам перемещенных лиц, он истерически призывает к реваншу, к «возврату» земель на Востоке, ведет ярую антисоветскую кампанию. Канцлер не хочет лишиться столь ценного подручного. Принимаются все меры, чтобы зажать рот тем, кто пытается разоблачить министра-нациста.

Недавно по «требованию» Оберлендера была создана так называемая «международная» комиссия. В нее вошли ярые реакционеры и коллаборационисты, сотрудничавшие с фашистскими оккупантами. Для камуфляжа учредители попытались было привлечь менее замаранных людей, но те сразу же распознали подлинную суть приглашения. Из двенадцати кандидатов, намеченных в «комиссию», семеро отказались от участия в ней.

Вся эта комедия вызывает глубокое возмущение. В «Литературную газету», как и в другие редакции, шлют письма свидетели злодеяний Оберлендера и его банды. Оберлендер выдвигает как главный аргумент в доказательство своей «невиновности» утверждение, будто в то время, когда его батальон хозяйничал во Львове, то есть с 30 июня по 7 июля 1941 года, там «не раздалось ни одного выстрела», не предпринималось никаких расстрелов и что ему якобы не известен ни один случай какого-либо насилия. Достаточно ознакомиться хотя бы с частью полученной редакцией почты, чтобы разоблачить эту неуклюжую ложь.

Кровавые насосы Оберлендера

Большую часть своей жизни я провел во Львове, и несчастья, принесенные этому городу гитлеровцами, известны мне по собственному опыту. Трагедию, постигшую невинных людей, я видел своими глазами.

Ныне я до предела возмущен тем, что спустя почти пятнадцать лет после окончания второй мировой войны ходят еще на свободе и занимают высокие посты военные преступники, подобные Оберлендеру.

Все, что я сообщаю, я готов изложить в качестве свидетельских показаний перед любым органом, который потребовал бы от меня этого.

Я прекрасно помню день 30 июня 1941 года, когда улицей Льва Сапеги маршировали по направлению к центру города бандиты из «Нахтигаля». Их темные мундиры и стальные шлемы производили гнетущее впечатление. Мы уже знали, что несут с собою эти изверги народу: смерть и мучения.

На другой день после вторжения гитлеровцев во Львов я шел по Кадетской улице, а затем по улице Томицкого к центру. На улице Коперника, на «пятачке», возле костела св. Лазаря, я увидел двигающуюся массу плохо одетых людей. Их было несколько сот человек. По обеим сторонам шли вооруженные эсэсовцы из батальона «Нахтигаль». Они вели этих людей к тюрьме на улице Лонцкого. Среди них я увидел хорошо знакомые мне лица жителей Львова — инженеров, архитекторов, врачей и других лиц иудейского вероисповедания.

На протяжении всего пути «нахтигальцы» издевались над ними, изо всех сил избивая дубинками и прикладами ни в чем не повинных людей. Больше всего доставалось крайним в шеренгах: их били палками по пяткам. Нетрудно было сообразить, что ожидало этих несчастных.

Как известно, штаб батальона «Нахтигаль» размещался в Доме студента политехники.* Возле этого здания, а также около корпусов Студенческого союза находились насосы для откачки воды. У насосов по двое стояли молодые люди 18—20 лет, без рубах. Тела и лица их, по-видимому, нарочно были вымазаны черной грязью; они выглядели, как негры. Эти четверо молодых людей качали воду в поставленную рядом посудину. Возле каждого из них стоял «нахтигалец» и поминутно хлестал обнаженное тело бичом, требуя работать быстрее.

Эту картину я видел в 9 часов утра, направляясь в город. Возвращался я из города примерно в 2 часа дня и снова должен был пройти мимо этих насосов. Глазам моим представилось ужасающее зрелище: я увидел тех же молодых людей; они буквально валились с ног и были сплошь покрыты кровью, которая стекала из зияющих ран. Кровь смешивалась с тем черным, чем были вымазаны несчастные. Их вид производил страшное впечатление. Глаза, вылезающие из орбит, смотрели умоляюще. Молодые люди то и дело падали на землю. Бандиты из «Нахтигаля» поднимали их за брюки и изо всех сил хлестали бичами, выкрикивая какие-то непонятные слова. Позднее «нахтигальцы» на глазах у людей расстреляли этих четверых парней и зарыли их трупы возле Дома студента.

За что именно их избивали и расстреляли, не знаю. Но у меня создалось впечатление, что истязания и публичный расстрел имели целью запугать жителей окрестных кварталов.

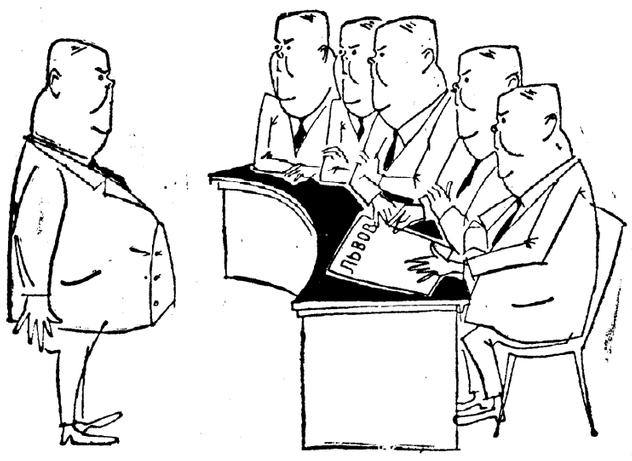
Кто приказал свершить это убийство?

На этот вопрос может дать ответ только министр Оберлендер, бывший тогда политическим руководителем «соловьев».

Владислав СОЛЕК

Польская Народная Республика, Вроцлав 12, ул. Евг. Жака, 5

* Напротив этого дома находится «Бурса Абрагамовичей», куда были свезены в ночь с 3 на 4 июля 1941 года львовские ученые, выведенные затем оттуда на расстрел в близлежащую лощину. — **Прим. ред.**



Оберлендер и его судьи
Рисунок художника Вимерса из западногерманского еженедельника «Форвертс»

Кто убил моего мужа?

Мария Ломницкая — вдова известного польского математика Антония Ломницкого, убитого солдатами из батальона Оберлендера в июле 1941 года.

Я никогда не забуду той кошмарной ночи с 3 на 4 июля 1941 года, когда гитлеровцы через три дня после захвата Львова напали на наш дом и забрали мужа.

Около 11 часов ночи мы легли спать, но вскоре услышали грубые удары в парадную дверь и звонки. Мой муж встал и вышел в переднюю. Вскоре я услышала крики по-немецки, среди которых выделялось: «Руки вверх!» Я вскочила с постели и, в чем была, выбежала в переднюю, где увидела пятерых гитлеровцев. Мой муж стоял с поднятыми руками, а с двух сторон солдаты направляли на него пистолеты. Мне тоже велели поднять руки вверх. Двое начали обыск в кабинете мужа, но ничего компрометирующего не нашли. Пятый из гитлеровцев проверял другие комнаты и что-то искал. Мужу было приказано одеться. Я подала ему одежду, которая была тщательно проверена, вплоть до носового платка. На вопрос мужа, не нужно ли с собой что-нибудь взять, сказали, что ничего не нужно, и не дали даже надеть ни шапки, ни плаща...

Долгие часы простояла я у окна, ожидая рассвета. Когда рассвело, я увидела из окна своей квартиры на третьем этаже, как на Вулецких холмах показались люди. Их выводили по пять человек, и солдаты расстреливали их; так повторялось несколько раз. Я стояла на месте, почти в оцепенении глядя на эту экзекуцию, на эту расправу палачей. Были ли это арестованные профессора, был ли среди них мой муж, я не могла видеть, так как это происходило на слишком большом расстоянии. Утром я узнала, что еще многих профессоров и известных врачей взяли в качестве заложников, о чем говорили объявления, вывешенные на улицах Львова.

Так в полной неизвестности прошли долгие годы оккупации, развеявшие мои надежды на возвращение мужа. Пусть суровое наказание высшей справедливости постигнет палачей, которые жестоко расправились с невинными сынами Польши!

Мария ЛОМНИЦКАЯ

Профессора Стожек и Ломницкий — жертвы гитлеровского террора

Приводимое ниже письмо переслано в редакцию из Львова писателем Владимиром Беляевым. Автор письма — крупнейший польский математик, профессор Львовского университета, один из создателей современного функционального анализа Стефан Банах. Во время гитлеровской оккупации Львова Банах стал жертвой неслыханных издевательств: он кормил своей кровью ежедневно тысячи вшей в «институте» Вейгля, где изготовлялась противотифозная сыворотка для гитлеровской армии. Перенесенные им муки подорвали его здоровье, и в 1945 году он умер. Публикуемое сегодня впервые письмо было написано Банахом незадолго до смерти.

Гитлеровцы убили миллионы людей. Во Львове они уничтожили тысячи людей. Обо всех написать невозможно. Терзающая меня боль заставляет написать несколько этих слов о некоторых польских ученых, которые близки для меня и ушли, убитые рукой гитлеровского палача.

В первые дни по приходе гитлеровцев из квартир было взято более двадцати профессоров, самых видных деятелей науки и искусства. Их привели на Вульку и там расстреляли. Почему их забрали и расстреляли, никто не знает. Единственная их вина заключалась в том, что они распространяли польскую культуру; они погибли мученической смертью.

В ту памятную ночь* гитлеровские убийцы пришли к Владимиру Стожеку — профессору математики в Политехническом институте. Было 11 часов ночи. Ему велели одеться и идти с ними. Увидели его сыновей. Один — инженер, второй учился на 4-м курсе химического факультета, очень способный студент; третий — ученик средней школы, 16 лет. Двух старших забрали с отцом, третьего оставили. Гестаповцы имели приказ арестовать отца, а сыновей забрали заодно.

Владимир Стожек — известный математик. Его работы знают за границей.

Профессор Стожек был не только ученым, но и замечательным педагогом. Молодежь его любила за доброе сердце. Он, не щадя сил, помогал каждому, кто к нему обращался. Его заслуги в области культуры огромны. В нашей памяти он останется как большой ученый и человек, который любил человечество.

В ту же страшную ночь гитлеровские убийцы пришли за профессором Антонием Ломницким, преподававшим в Политехническом институте Львова более двадцати лет. Он был профессором математики и подготовил сотни инженеров. Он заботился о том, чтобы его ученики знали математику. Я был его ассистентом. Он первый указал мне, как велика и ответственна задача профессора. Это — выдающийся педагог, один из величайших, каких я знал. Автор многих прекрасных книг для средних школ. Автор одного из лучших учебников анализа для техникумов, намного лучше заграничных. Его труды о картографии стоят на высоком уровне. Одинаково ценится и его педагогическая работа. Важнейшие его труды знают и читают в научном мире.

Профессор Ломницкий был человеком большой энергии и трудоспособности. Никогда не был бездеятельным. Большинство его бывших ассистентов, которые теперь работают профессорами в высших учебных заведениях, благодарны ему за те знания, которые они получили. Он имел много друзей, которые ценили его высокие духовные качества.

Профессор Стефан БАНАХ

* Имеется в виду ночь с 3 на 4 июля 1941 года, когда во Львове хозяйничал батальон Оберлендера «Нахтигаль». — **Прим. ред.**

Бернс близок простым людям

Господину Самуилу Маршаку

Уважаемый сэр!

Мое имя Вам неизвестно. Я живу в другой стране. И все же у нас с Вами есть общие интересы. Это и побудило меня привлечь Ваше внимание к следующему вопросу.

Вы являетесь переводчиком произведений Роберта Бернса на русский язык. Я всего лишь один из его безвестных поклонников, рассеянных по всему земному шару, но, к счастью, я владею языком, на котором писал Бернс, в такой мере, что могу оценить всю тонкость его стиля и понять всю глубину его дум. Как и все другие его поклонники, я восхищаюсь силой и страстью его идей и народностью его поэзии.

Это я говорю для того, чтобы найти основу для нашего с Вами взаимопонимания.

В начале этого года я посетил свой родной город Веймар. Я предпринял это паломничество, как и многие мои соотечественники, которые способны думать не только о своих материальных делах, о хлебе насущном.

Как же велико было мое изумление, когда я обнаружил в этом священном для нас городе среди старых памятников новый: памятник Пушкину.

Сооружение памятника поэту — гениальному современнику Гёте — представляется мне торжеством справедливости. Думается, что Пушкин вполне заслужил того же, что и старик Шекспир, которому отведен здесь романтический и уютный уголок.

Тут-то мы и подходим к тому делу, ради которого я пишу Вам. Пусть справедливость восторжествует и по отношению к Бернсу! Никогда не поздно воздать бессмертному поэту заслуженные им почести. Он окончил свои дни осмеянный, презираемый, поставленный вне современного ему общества. Разве не ускорил его смерть духовный и материальный бойкот, которому он подвергся?

Вы можете спросить меня, для чего я обращаюсь к Вам?

Так вот: не возьмете ли Вы на себя инициативу в общественном деле, которое можно определить так: достойное место Бернсу! Уютный уголок, занимаемый Шекспиром около Старой Башни Веймарской Бастилии, несомненно, достаточно вместителен и для памятника великому «пахарю из Эйра».

Я всего лишь шахтер. У меня нет ни влияния, ни заслуг. Кто, если не Вы, сумеет начать это дело, а затем довести его до благополучного конца?

Разве не было бы замечательно, если бы память великого поэта послужила делу мира? Нет сомнения, что открытие памятника Бернсу в Веймаре будет большим событием для всего прогрессивного и думающего человечества.

Сэр, я надеюсь, что не слишком оторвал Вас от Вашей работы.

С глубоким уважением
Искренне Ваш
Герхарт ЛИБНЕР

ВАЛЬТРОП—РЕКЛИНГХАУЗЕН
ФРГ

Уважаемый Герхарт Либнер!

Ваше письмо глубоко тронуло меня. Я был рад услышать из уст немецкого шахтера искреннее и непосредственное выражение любви к Роберту Бернсу — поэту чужой страны и другого времени, но до сих пор близкому простым людям во всем мире.

Мне кажется убедительным и справедливым высказанное Вами пожелание, чтобы память шотландского народного поэта была увековечена в родном Вам городе Веймаре, где жил и работал великий Гёте, так высоко ценивший Бернса, и где уже воздвигнуты памятники Шекспиру и нашему Пушкину.

Но, конечно, решать вопрос о сооружении памятника Бернсу в немецком городе Веймаре может только то государство, в пределах которого находится этот славный город.

Однако, независимо от того, будет ли осуществлено Ваше предложение, оно, несомненно, вызовет живой отклик в сердцах множества людей, которым дорога поэзия Бернса, певца дружбы, любви, честного труда и свободы.

Примите мой сердечный привет.

Искренне уважающий Вас
С. МАРШАК.

МОСКВА

С ПОХОД ДОБРОЙ ВОЛИ

Александр ШТЕЙН

С рассвета скребли матросы верхние палубы и надстройки — ударил ночью по Владивостоку, избалованному долгой ноябрьской теплынью, мороз, резкий, внезапный, покрывший корабли льдистой упрямой корочкой. А в девять ноль-ноль отряд под флагом командующего Тихоокеанским флотом адмирала В. А. Фокина, в составе легкого крейсера «Адмирал Сенявин» и миноносцев «Выдержанный» и «Возбужденный», освещенный несмелым, чуть блеснувшим из-за сопок солнцем, покинул бухту Золотой Рог.

Корабли шли с визитом дружбы в Республику Индонезию, к далеким берегам государства, привольно раскинувшегося по обе стороны экватора.

Я взял с собою в путешествие два томика из собрания сочинений Гончарова — и не раскаялся. Ревел ли и стонал тайфун, насмешки ради, очевидно, окрещенный уютным и покойным именем Эмма, или брало верх над дикой океанской стихией нещадное солнце южных морей; носились ли вдоль борта в штилевую погоду с реактивной скоростью стайки летучих рыбок и теплой, бархатистой ночью в густо усыпанном звездами небе таинственно мерцал Южный Крест; вставали ль в окулярах морского бинокля островки близ Явы, покрытые невообразимо плотной и пышной растительностью, в самом деле, как писал Гончаров, похожие на корзинки с цветами,— всякий раз поминалась нами непревзойденная гончаровская живопись. Быстротекущее время нисколько не тронуло ее красок, и таким же пленительно свежим предстал перед нами, рядом с натурой, ее точный и в то же время непринужденный, свободный рисунок, легкая, естественная манера художнического письма.

Нет, марины «Фрегата «Паллады» не поблекли за многие десятилетия, да и в морской натуре Океании, как говорится, существенных изменений не произошло. Но зато как же неузнаваемо, поистине потрясая и мысль, и фантазию, преобразился сухопутный пейзаж этих мест!

Наш отряд кораблей шел, как и некогда знаменитый, вошедший в историю мореплавания и литературы гончаровский парусник, вдоль желтоватых, скалистых берегов Кореи, и на траверзе Шанхая, и у берегов Вьетнама, и близ островов Явы и Калимантана.

С каким ураганом, смерчем, тайфуном, черт возьми, может сравниться революционный вихрь, пронесшийся по всем этим знойным берегам во второй половине двадцатого века, сметающий прочь и напрочь былую, покорную, дремотную, рабскую Азию, блистательно подтверждающий ленинские пророчества, — нет, не пророчества, но научно обоснованные предвидения, сформулированные Владимиром Ильичем с неумолимой для капитализма и колониализма точностью еще в начале двадцатого века? Разве лишь с одним ветром Октября, тем, что дул у Зимнего в тысяча девятьсот семнадцатом году...

Кстати, о черте и о тайфуне. Как искусно ни прокладывало курс советское командование, вежливо уклоняясь от настойчивых и нескромных притязаний вышеупомянутой Эммы, свидание с ней все-таки состоялось. К счастью для нас, а вернее, благодаря выучке и уменью военных моряков Советского Союза, мы попали не в эпицентр тайфуна. Жестокосердая красавица южных морей, навещая Филиппины, коснулась нас лишь своим хвостом. Однако если учесть, что сила ветра в часы свиданья была ураганной и не хватало баллов для измерения силы шторма, укладывавшего миноносцы на 45 градусов, то и это прикосновенье, сами понимаете, было в достаточной степени ощутимым и, правду сказать, не слишком приятным. Тайфун по-японски означает черт. И так оно и есть.

...В ночь на 17 ноября с индонезийского миноносца «Сарваджала» на «Адмирал Сенявин» перебрались лоцман и два индонезийских офицера связи, и уже на рассвете дивились мы мягкой, пастельной красоте Яванского моря — оно словно бы застывшее, ласково-шелковистое, дымчато-голубоватое. Вот уже возникли очертания Джакарты, столицы республики, корабли всех флагов на рейде, рыбачьи фелюги, загадочные сооружения из бамбука — выяснилось, что они — для ловли рыбы. Военно-морские силы республики приветствовали нас, и мы салютовали в честь Республики Индонезии двадцать одним залпом Салюта Наций. В эти торжественные минуты, когда личный состав кораблей в белоснежных кителях и форменках, замерев, стоял на бортах крейсера и миноносцев, думалось о том, как приходили сюда, в благословенные эти воды, иные крейсеры, и залпы были иные. Теперь наши пушки тоже стреляли, но это был Салют Мира, Дружбы, Уважения.

Триста пятьдесят лет сытая, маленькая, благополучная Голландия сосала Яву, Суматру, сотни других индонезийских островов. Злодейства Ост-Индской компании, содержавшей тут собственные войска, невероятны. Маркс недаром называл историю голландского колониализма «бесподобной картиной предательств, подкупов, убийств и подлостей». К голландским хищникам присоединились хищники американские и английские: ведь индонезийские острова — это около сорока процентов мировой продукции каучука, это копра, сахар, кофе, хинин, пальмовое масло, волокно агавы, нефть, руда, олово, фосфаты, табак, каолин. И богатства навлекали на индонезийцев новые и новые несчастья; эксплуатация усиливалась, росли нищета, болезни, голод. И казалось раньше забредшему сюда чужестранцу, нет тут меры ненависти к белому цвету кожи. Помните киплинговское «Запад есть Запад и Восток есть Восток, и им никогда не сойтись»...

Нет, не верьте Киплингу. Не верьте.

В первые же часы стоянки кораблей, когда мы сошли на пирс в порту Танджунг-Приок, палимые обычным тут тридцатиградусным зноем, парясь в тропической атмосфере (влажность достигает девяноста процентов, куда там Сандуновские бани!), мы увидели восемь автобусов, любезно снабженных надписями на русском языке: «Для ВМС ВМФ». Большая группа матросов и офицеров была приглашена в автобусы для поездки в горы.

Здесь принято ездить быстро, узкие улицы столицы, по которым мы летели, запружены транспортом и людьми. Представьте себе, как разбросан этот экзотический город, если в нем преобладают одноэтажные и двухэтажные здания, в которых живут почти три миллиона человек. Мы летели по Джакарте, и каждый водитель встречной машины успевал помахать нам рукой, и пассажиры, сидевшие в машине, делали то же приветливое движение, его повторяли школьники и студенты, торговцы, выскакивавшие из своих лавочек, и велорикши, двигающие худыми, тонкими своими ногами пестро разрисованные коляски, и полицейские в белых гетрах, и рабочие, и старики, и женщины...

Наконец мы миновали город, тропики обступили нас своим великолепием и своей нищетой, жаркое дыхание вечнозеленого леса врывалось в окна автобусов, запросто, буднично росли вокруг кокосовые пальмы, бамбуковые рощи, папоротник до того картинный, что он уже и выглядел словно бы нереальным, смастеренным, бог его знает, из папье-маше, что ли. Хлебные деревья и панданусы, пальмы-карлики и пальмы-великаны, фикусы и бананы и еще неизвестно какие фантастические деревья высотою до шестидесяти метров — увидишь такое разве что во сне или в детстве вычитаешь где-нибудь у Буссенара...

Мы мчались мимо яванских деревень и снова видели тот же жест привета у крестьян, работавших на своих, сходящих террасами вниз рисовых полях, у носильщиков, тащивших по обочине на бамбуковых коромыслах тяжелые корзины, у молодежи из отрядов самообороны, тут же, на шоссе, с игрушечными ружьями проходящей военное обучение. До сих пор, кажется, стоят в ушах непрерывный гул голосов, крики, уносимые ветром. Нас знали. Нам были рады — и в Джакарте, и в деревнях Явы, и в Богоре, где расположен богатейший в мире Ботанический сад, и в горах, где стоят роскошные голландские виллы, откуда народ изгнал их обитателей, и в маленьких горных поселках, скудно освещенных тусклыми карбидовыми лампами.

Каждый новый день стоянки кораблей был новым свидетельством прочности симпатий людей Индонезии к людям Советского Союза. Как трудно стало пробиться машинам с моряками, выезжавшими из порта, сквозь толпы людей, шедших приветствовать наши корабли! В окна машин тянутся смуглые руки индонезийцев, чтобы пожать руки русских друзей, на корабль стремятся тысячи жителей столицы, да и не только столицы. Людской напор столь велик, что на второй или третий день рухнула портовая решетка! Прелестным индонезийским ребятам устраивается на крейсере специальный прием — детям дарят игрушки и конфеты, самодеятельность крейсера показывает веселый концерт, матросы водят маленьких за ручку в туалет, с ребятами постарше играют в заранее придуманные аттракционы. Все это матросы делают с любовью, удовольствием и необычайно ответственно! И здесь, на крейсере, принимая гостей, и на берегу, на приемах ли, на концертах, на стадионе, в магазине ли или на улице, ведут себя матросы так, что нельзя ими не залюбоваться. Поистине, каждый из них чувствует себя послом! Вот стоит на перекрестке в Джакарте матрос, вооруженный русско-индонезийским разговорником и, ожесточенно листая его, выискивает слова и целые выражения, вроде «мари бэрсахабат» или «салям кэпада пэндудук Джякарта», что означает «будем друзьями» и «привет жителям Джакарты». Он, наконец, находит эти слова и, водя пальцем по буквам, торжествуя, произносит их вслух. В толпе, окружившей матроса,— неописуемый энтузиазм.

Вечером — во Дворце спорта, на площади Свободы. Раньше площадь эта мрачно именовалась Полем виселиц. Голландский губернатор вешал тут яванских повстанцев. И вот «белый человек» тут, у бывшего «поля виселиц». Дворец спорта, кажется, самое вместительное помещение города, рассчитан на три тысячи человек. Сегодня, по подсчетам устроителей, членов Общества индонезийско-советской дружбы, — не менее шести тысяч. А скольким желающим попасть на вечер не досталось билетов! Скандируют слова дружбы, появление на сцене артистов ансамбля песни и пляски Тихоокеанского флота встречается громоподобной овацией, сотрясающей зал. Индонезийцы исключительно музыкальны, их ухо отлично улавливает чужой ритм, незнакомую мелодию. Тысячи ног отбивают упругий маршевый ритм в такт песне Соловьева-Седого «В путь». Смех перекатывается из конца зала в другой, когда квартет моряков исполняет забавную песенку «Рыбаки»,— слов не понимают, но чувствуют ее иронический склад. Танцоры пляшут в сюите «Аврал и машина», поставленной Игорем Моисеевым, — и вновь буря, восторг, энтузиазм. Что уж говорить о том, что творится в зале, когда военные моряки поют три индонезийские песни — и на индонезийском языке! Зал поет вместе с ансамблем, зал смеется и грохочет, и утирает слезы...

И другая встреча, камерная, тихая, но такая же памятная, волнующая. Мы в маленьком белом доме, окруженном пальмами, мы гости «Лекры», творческого объединения прогрессивных литераторов и деятелей искусства. Нас, гостей, семеро: кроме драматурга Александра Крона, журналистки Ольги Чечеткиной, советского студента Индонезийского университета Владика Костина и меня, тут, по странному и, я бы сказал, трогательному стечению обстоятельств, три сына советских литераторов — секретарь нашего посольства в Джакарте Владимир Жаров, специальный корреспондент «Правды» Тимур Гайдар и студент, наш переводчик, Андрей Павленко. Хозяева наши, когда мы сообщаем им об этом обилии в Индонезии писательских детей, весело смеются. Среди хозяев — талантливый публицист Ньото, руководитель «Лекры» Юбаар Аюб, Прамудья Ананта Тур, чьи книги переведены на русский язык. Нам дарят переводы на индонезийский язык «Матери» Горького, «Судьбы человека» Шолохова, «Сорок первого» Лавренева, «Бронепоезда» Вс. Иванова, «Бури» Эренбурга, «Повести о настоящем человеке» Полевого; хозяин домика представляет нам крохотную свою дочку, конфузливо прячущую милую головку в коленях отца. «Ее зовут Мадо, — улыбаясь, говорит он нам,— как героиню романа «Буря». Сразу стемнело, хозяева зажгли свечи, их мерцанье сообщает душевной беседе еще более интимное звучанье. Не подумайте, что свечи — дань нынешней европейской моде. Просто в Джакарте плохо с электрической энергией, ее не хватает, свет дается не во все дни недели. Беседа льется, лишенная какой бы то ни было официальщины, нас потчуют удивительными блюдами индонезийской кухни, на тарелки кладут нам хворост, лепешки из муки с примесью толченых креветок — очень остро и очень вкусно! Шутки сменяются серьезными вопросами, друзей наших очень занимают дискуссии в нашей литературной прессе, в частности дискуссия о мастерстве. С нетерпением ждут они будущего второго конгресса писателей Азии и Африки; первый конгресс дал им очень много, но немало и поныне нерешенных, жгучих проблем, вот почему они связывают большие надежды с будущей встречей, местом которой намечалось Коломбо. Увы, у них нет толстого журнала, нет драматического театра, надо выполнять многие практические решения конгресса, пока еще не выполненные...

В заключение, шутя, мы спрашиваем нашего друга Ньото, хорошо ли переводит с индонезийского на русский и с русского на индонезийский Андрей Павленко, который вместе с Костиным учится в Джакарте (два индонезийских молодых человека учатся в Московском государственном университете). «Мы ставим ему высший балл!» — смеясь, отвечает Ньото.

Москвичи в Индонезии, индонезийцы в Москве... В зале бывшего фешенебельного голландского отеля, ныне экспроприированного индонезийским правительством, на приеме в честь советских морских офицеров вдруг услышали мы «Калинку» и «Подмосковные вечера» на русском языке — их с экспрессией спел индонезийский хор «Гамбир», организовавшийся в Джакарте после того, как его участники побывали в Москве, на фестивале. Тут, в бывшем голландском отеле, покорили нас, взяли в плен без остатка полные поэзии, изящества, пластичности индонезийские танцы, особенно танцы острова Бали, равных которым я не видел. Искусство сюжетного танца тут доведено до нечеловеческого совершенства, каждое движение — это новый великолепный поворот хореографической новеллы.

Мы возвращались с приема поздно ночью. Было довольно темно, я уже писал о том, что со светом в столице трудновато, как и с водой, как и с транспортом, — колонизаторы оставили Джакарте, да и всей Индонезии расстроенное хозяйство. Правда, многие дома на нидерландский манер крыты черепицей, город, тоже на манер Голландии, изрезан каналами, но вода в них желто-мутная; тут, как и встарь, и моются, и стирают белье... Металась над площадью реклама очередного американского боевика, и чья-то рука на плакате вонзала в чье-то тело кинжал. Мигали сотни огоньков-светлячков тут, у моста через канал. Эти огоньки издали выглядели загадочно-экзотично, вдруг пахнуло на нас колониальными романами в духе Клода Фаррера или Пьера Лоти, мы свернули с дороги к этим светлячкам. Так мы очутились на ночной бирже велорикш; огарочки, воткнутые в фонари их фаэтонов, осветили нам их обтянутые кожей коричнево-бронзовые лица — в призрачном свете они выглядели особенно печально. Я слышал, что бечаки — так тут называют велорикш — живут в среднем до тридцати лет, человеческий организм не выдерживает больше тяжелейшего напряжения. Светили тут и другие светлячки — такие же огарочки на лотках папиросников, коротавших ночь в ожидании редких покупателей. Так вот и обернулась перед нами экзотика тропиков борьбой за чашку жареного риса...

И в этом тоже след злодейств колониализма, повергшего великую страну за экватором в бедность и нищету. Много, как много работы предстоит прогрессивным силам молодой республики, ведь на их пути не только эти повсеместные следы хозяйничанья голландцев, — на их пути реакционеры, те самые, которым не по вкусу любое демократическое преобразование, предпринятое в стране, те самые, для которых все прогрессивное — нож острый. Мертвый хватает живого, и клокочет то подспудная, то выходящая на поверхность война двух Азий — Азии вчерашней и Азии, устремленной в завтрашний день. В конечном счете победит, не может не победить та, вторая Азия. Ей и только ей принадлежит будущее. Но война нелегкая, чреватая неожиданностями, коварными ходами...

Визит кораблей Тихоокеанского флота стал приметным явлением жизни столицы Индонезии, превратившись в истинную демонстрацию дружбы, уважения и прочных взаимных симпатий народов Советского Союза и Индонезии.

...И вот уже снова пересекаем экватор, и вот уже сменены летние кители и белые форменки на шинели и бушлаты, и снова родной холодный и колючий северный ветер, и мороз, и крутящаяся снежная метель. После почти месячного отсутствия, оставив за собою Яванское, Южно-Китайское, Восточно-Китайское моря и Тихий океан, пройдя в общей сложности около восьми тысяч миль, отряд кораблей, исполнив миссию доброй воли, вернулся во Владивосток.

В мае 1959 года президиум Московского отделения Союза писателей РСФСР и редакция журнала «Москва» объявили ЗАКРЫТЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС на повесть о современной Москве.

Участвовать в конкурсе приглашались члены Московской писательской организации, а также студенты Литературного института и слушатели Высших литературных курсов.

В связи с истечением срока прием рукописей на конкурс ЗАКОНЧЕН.

После предварительного ознакомления из рукописей, поступивших на конкурс, отобраны для рассмотрения жюри десять рукописей.

Эти отобранные редакцией рукописи в настоящее время рассматриваются жюри конкурса, окончательное решение которого будет опубликовано.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68, Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—02419